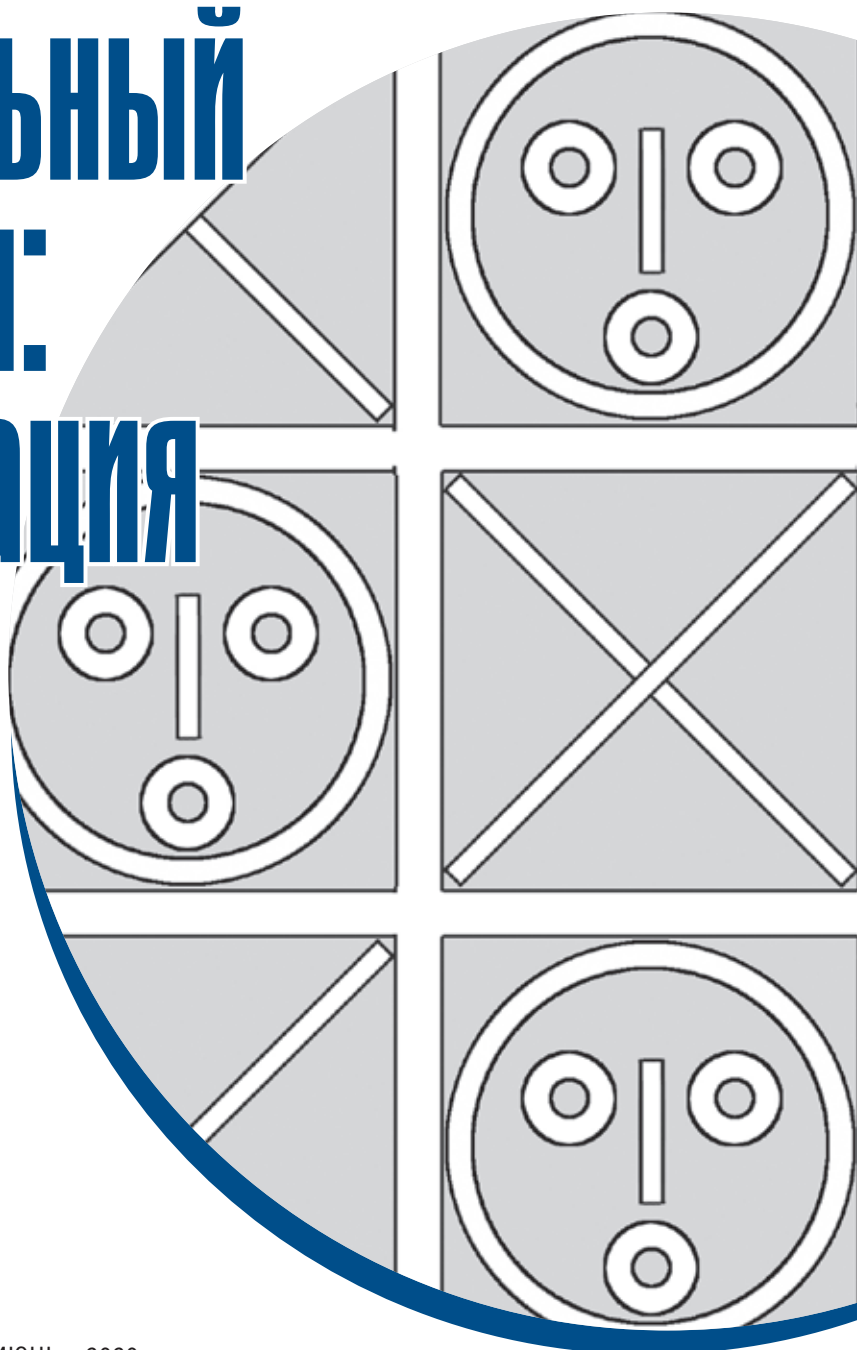

РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ISSN 1810-6439
9 771810 643008 >

Идеальный шторм: адаптация

 **ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК • ИЮНЬ • 2020

«БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ» В ВОСПРИЯТИИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИДЕРОВ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ИЮНЬ 2020

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

Председатель
попечительского совета
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»
АШУРБЕЙЛИ И.Р.
АО «Социум-А»
ЮНУСОВ Р.Р.
Российский квантовый центр

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО
«РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ»

ИЗДАЕТСЯ
ФОНДОМ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
Россия, 119017, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 17, офис 204

Зарегистрирован
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № ФС 77-52915
отт 20 февраля 2013

Адрес редакции:
Россия, 119017, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 17, офис 204
Тел.: +7 (495) 980-7353
E-mail: info@globalaffairs.ru
globalaffairs.ru

Дата выхода в свет:
10.05.2020

Отпечатано
в ООО «Типография Гарт»
105082, г. Москва, Малая Почтовая, 12
Заказ рус. № 4 – 345.

Тираж – 500 экз.
Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель совета*АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

ЛУКИН В.П.

РАДД Кевин (Австралия)

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Мартин
(Финляндия)КОСАЧЕВ К.И.
КОМИССАР М.В.РОУЗ Гидеон (США)
РЫЖКОВ В.А.БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)

КРАСТЕВ Иван (Болгария)

СЛУЦКИЙ Л.Э.

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)СЮН Гуанкай (Китай)
ТЕЛЬЧИК Хорст (Германия)ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

ТОРКУНОВ А.В.

ЗВЕРЕВ С.А.

МАУ В.А.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ИВАНОВ И.С.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)УШАКОВ Ю.В.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл (Германия)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ХАКАМАДА И.М.

КОКОШИН А.А.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

ЭЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

КУЗНЕЦОВ А.В.

САНАИ Мехди

БУТОРИНА О.В.

ЛАНЬКОВ А.Н.

СЛЁЗКИН Ю.Л.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ЛИВЕН Анатоль

ФИЛИППОВ А.Ф.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ЛОМАНОВ А.В.

КРАВЕЦ С.Л.

МИЛЛЕР А.И.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Ф.А. Лукьянов

Заместители главного редактора:

Александр Соловьев, Наталья Костромская (английзычная версия)

Исполнительный директор
Ирина ПалеховаОбложка
Вадим МисюкРедактор
английской версии
Russia in Global Affairs
Александр ЗахаровОтветственный редактор
Александра КобзеваВерстка
Наталья ЗаблочкинВыпускающий редактор
Евгения ПрокопчукКорректур и проверка
Екатерина АкуловаРеферент председателя
редакционного совета
Елена БлишковаАссистент главного редак-
тора
Елизавета ДемченкоРаспространение
Юрий Котов
or@globalaffairs.ru
Валерия Чистякова
promo@globalaffairs.ru

Спецвыпуск издан в рамках выполнения проекта «Россия глазами зарубежных лидеров нового поколения», при реализации которого используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с Распоряжением Президента Российской Федерации от 19 февраля 2018 года N 32-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом президентских грантов

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»
(на сайте или в отделениях Почты России). Индексы: 15577, 16497
Агентство «Книга-Сервис» (akc.ru)
На сайте «Информ-система» (informssystema.ru)

© «Россия в глобальной политике», 2020

Точка зрения авторов необязательно совпадает с позицией редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

Многосторонность против глобализации	<i>Фёдор Лукьянов</i>	4
--------------------------------------	-----------------------	---

«ЕВРАЗИЙСКИЙ УЗЕЛ: ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ»

Введение. Игра как среда политической коммуникации	8
Современные конфликты. Многофакторность, столкновение интересов, «рамочный паралич» институтов	10
Кризисный сценарий. Суть противоречий, участники и инструментарий урегулирования	11
Общая оценка подходов сторон к разрешению кризисных ситуаций	14
Особенности антикризисной международной коммуникации	18
Главные политические итоги и подходы к антикризисному управлению	19
Перспективы разрешения реальных конфликтов и стратегические задачи России в Евразии	21
Заключение	23
Приложение I. Общий сценарий игры. Ход игры	25
Приложение II. Географические карты	36
Приложение III. Общие характеристики дорожных карт	39

ЕВРАЗИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

На пороге новых испытаний	<i>Александр Высоцкий</i>	46
Будущее Евразии: континент мира или новой биполярности?	<i>Дмитрий Разумовский</i>	48
(Не)делимость опасностей для Большой Евразии	<i>Александр Коньков</i>	52
Кризис с человеческим лицом?	<i>Анастасия Погорельская</i>	56
«Корона Евразии» – что показал кризис?	<i>Мирас Жиенбаев</i>	62
Новый пояс для Евразии	<i>Евгения Прокопчук</i>	66
Навстречу «серым носорогам»	<i>Симоне Феррони</i>	70
Глобализация меняет флаг	<i>Наталья Помозова</i>	75
«Мягкая сила» и твёрдая линия	<i>Александр Федотов</i>	78
Евразия и четыре всадника Апокалипсиса	<i>Анастасия Пятачкова</i>	81
По законам фастфуда	<i>Григорий Калачигин</i>	87
Евразия после «коронакризиса»	<i>Александр Королёв</i>	90
Китай и будущая расстановка сил в Центральной Азии	<i>Алексей Степанов</i>	93
Большая Евразия: пока больше вызовов	<i>Ниведита Капур</i>	98
После пандемии: Южная Корея и будущее Евразии	<i>Вусик Ю, Хансол Ли</i>	105

Многосторонность против глобализации

Фёдор Лукьянов

Предсказывать будущее легко, если оно уже наступило. Очередная фаза проекта диалога молодых лидеров, который стартовал в 2019 г. европейской темой, а в 2020-м распространился на Евразию, пришлось на удивительное время. В принципе, нам повезло – мы успели провести запланированное мероприятие за несколько дней до того, как весь мир стал стремительно закрываться. Без потерь не обошлось: на начало второй декады марта, когда семинар был назначен в Москве, выпали первые карантинные меры. Ещё не случился тотальный ступор, но уже распространялась паническая тревога и воздвигались санитарные кордоны. Так что не все из гостей смогли приехать, пришлось срочно менять состав и корректировать планы. К счастью, семинар и игру удалось спасти, и это стало едва ли не последней очной встречей такого типа перед двумя с половиной месяцами всемирного паралича.

Когда мы сочиняли сценарий политической игры на этот год, было понятно, что в центре сюжета должен быть кризис особого рода – многоуровневый, трансграничный, с большим числом участников и очень нелинейный. Именно такими становятся теперь кризисы. Остаётся ностальгически вздыхать по холодной войне, когда всё было остро, опасно, но понятно и управляемо. Нынешний уровень связанности мира, деградации природы, эмансипации стран (тех, что не относились к категории значимых), активизации и политизации обществ и растерянности элит превращают едва ли не всякий узел проблем в «идеальный шторм». Для его успокоения не хватает инструментов, а привычные рецепты недавних времён не работают.

В пандемическом кризисе намертво переплелись реальные обстоятельства и сила политического воображения, объективное

и субъективное. Нам кажется, что мы правильно определили направление, над которым надо работать. Государства мало готовы к потрясениям. Однако у них, по крайней мере, есть понятный набор задач, и вопрос в оценке рисков и совершенствовании механизмов решения. А на уровне межгосударственного взаимодействия – будь то региональные организации или международные институты – утратился базовый принцип: как именно организовать сотрудничество.

Пандемия не стала переломным моментом, но подчеркнула то, что проявилось, наверное, около десятилетия назад. Если утрировать произошедший сдвиг, у глобальных проблем исчезли глобальные решения. Точнее – в глобальные решения всерьёз больше не верят.

Эпоха либеральной глобализации в конце прошлого – начале этого столетия основывалась на предположении, что суверенное государство как институт будет терять свою ключевую роль в международных отношениях и глобальной политике. По мере стирания экономических границ, а оно реально происходило, возможности государств управлять происходящим даже на их собственной территории снижались. Не говоря уже процессах действительно всеобщих, наподобие экологических и климатических изменений. Поэтому логичным было ожидать, что управление будет становиться всё более наднациональным, глобализированным, и с того этажа власти начнут поступать указания, что и как делать на местах.

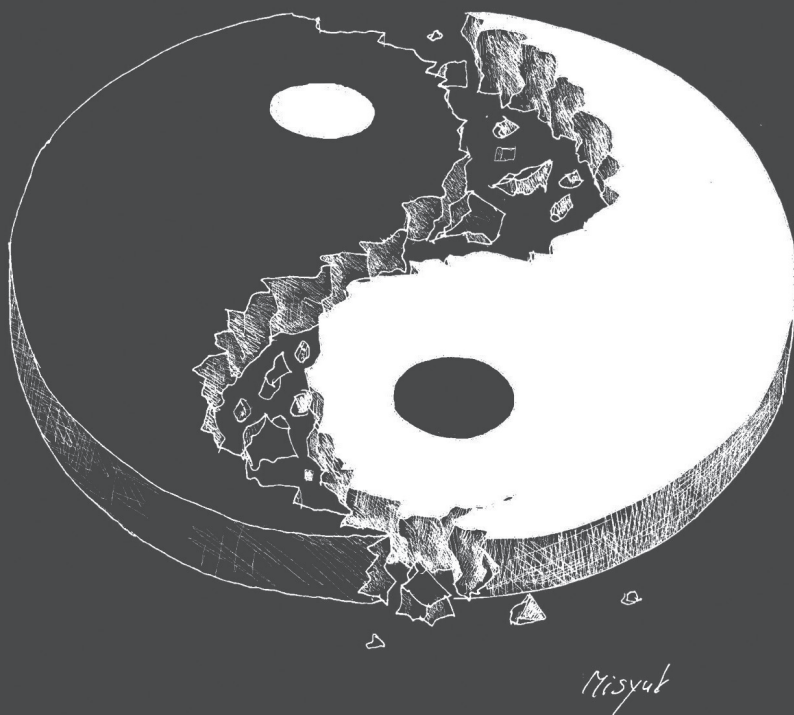
Но глобализация не смогла создать полноценных глобальных институтов управления. Почему – отдельная большая тема. Уже в 2000-е гг. в функционировании мировой системы один сбой пошёл за другим. Они происходили в политике, экономике, культурной коммуникации, но демонстрировали общую тенденцию: органов глобального управления не сложилось, не удалось унифицировать не только интересы, но, прежде всего, представления людей о том, что нужно делать.

Пандемия стала вехой именно по той причине, что, в силу сути бедствия, наглядно продемонстрировала теснейшую диалектическую связь противоположностей. Защититься можно только порознь и в изоляции, но делают это все одновременно и одинаково, пристально наблюдая друг за другом. Закрытие стран снижает заболеваемость вирусом, но рушит социально-экономическую ситуацию, что ударяет по здравоохранению и здоровью. Ну и так далее.

На выходе – окончательный отказ от иллюзии о том, что государство теряет значение. В подлинно форс-мажорной ситуации оказалось, что кроме как к нему, обращаться не к кому. Несомненно и другое – государство крайне уязвимо и, как никогда, нуждается в сотрудничестве на мировой арене, чтобы обеспечивать свои интересы, незащищаемые в одиночку. Отсюда новый спрос на многостороннее взаимодействие – как противовес тенденции к торжеству эгоизма наиболее мощных держав и стремление обуздать меркантилистские инстинкты. А они нарастают по мере распада ткани международных связей, возникших во второй половине XX века. Попытка глобальной эпохи вывести международные контакты на качественно новый наднациональный уровень не только не сработала сама, но и расшатала многие важные устои прежней мировой системы. Той, что вполне успешно функционировала в холодную войну.

В этом и состоит международно-политическое содержание наступающего времени (назовём его условно постпандемическим): как укреплять и развивать государства, не покушаясь на их суверенные и уникальные prerogatives, при этом обеспечивать максимальный масштаб многостороннего сотрудничества. Многосторонность не может подчиняться догме. Она подразумевает самые разнообразные формы от временных конфигураций любого состава по решению конкретных проблем до региональных или панрегиональных институтов постоянного действия. Но именно создание гибких форм взаимодействия государств и есть главная задача на будущее в противоречивом мире – очень связанном, целостном, но не едином. Евразия, о которой шла речь в этом году на нашем проекте, – в высшей степени показательный, модельный пример. И мы надеемся, что выводы нашего упражнения помогут что-то понять не только о ней, но и о мире в целом.

Евразийский узел: Идеальный шторм

Введение.

Игра как среда политической коммуникации

В рамках проекта «Большая Евразия в восприятии нового поколения российских и зарубежных лидеров», осуществлённого с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, организаторы подготовили и провели политическую игру **«Евразийский узел: идеальный шторм»**. В ней приняли участие молодые представители политического и административного истеблишмента, СМИ, экспертного сообщества России и стран Евразии.

В самый последний момент мероприятия проекта, а также состав его зарубежных участников пришлось значительно скорректировать в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Ограничения по противодействию эпидемии коронавируса, введённые правительством России и органами власти города Москвы, а также руководством стран ЕС, которые не позволили принять группу европейских участников и гостей из стран Азии (Сингапур, Южная Корея).

По причине карантинных запретов не прибыла европейская делегация во главе с главным иностранным партнером проекта Иваном Крастевым, председателем «Центра либеральных стратегий» (София, Болгария). Тем не менее, организаторам удалось обеспечить представительный состав участников игры из тех иностранных и российских приглашенных, которые всё-таки смогли приехать, а также зарубежных участников, находящихся постоянно в Российской Федерации на работе или учёбе.

В ходе игры участники проекта, объединённые в команды, разрабатывали антикризисные меры в формате «дорожных карт» согласно сценарию смоделированной кризисной ситуации, которая сложилась в условно-реальной «третьей стране» стране (См. Приложение I «Общий сценарий игры. Ход игры»). Кризис, который развивался поэтапно (в трех фазах), затрагивал интересы государств и

надгосударственных институтов, включая те, которые фактически представляли участники.

Перед игроками стояла задача наладить политическое взаимодействие в условной кризисной ситуации регионального масштаба, грозящей перерасти в межрегиональную катастрофу. Географически события происходили на территориях вымышленных стран Евразии, в непосредственной близости от границ России, Евросоюза и других государств. Участникам предстояло наладить внутри- и межкомандную коммуникацию и разработать «дорожные карты» выхода из трансграничного кризиса в условиях информационной перенасыщенности и стресса среднего уровня. Команды могли предлагать любые политические, экономические, силовые и гуманитарные меры, реализуемые в рамках возможностей национальных и международных институтов. После разработки «дорожных карт» команды представляли их на общем собрании и принимали участие в совместном обсуждении, носившем характер неофициальной пресс-конференции. Командам приходилось отвечать на вопросы журналистов и на критические замечания (разной степени провокационности) представителей различных стран и организаций (моделировались организаторами). Затем команды получали новые вводные, отражавшие развитие и обострение кризиса.

Игротехники-координаторы информировали команды, предоставляя сведения о развитии кризиса, включая внезапные привходящие обстоятельства, которые меняли ход событий, помогали игрокам осуществлять коммуникацию, а также отслеживали особенности подхода к выработке и презентации решений, оценивали реакцию остальных участников на «дорожные карты» и игровое взаимодействие между командами.

Современные конфликты. Многофакторность, столкновение интересов, «рамочный паралич» институтов

В основу сценария положен гипотетический, но реалистичный конфликт: столкнувшись с последствиями масштабного стихийного бедствия, государство, которое и без того испытывает хроническую дисфункцию управления, постепенно начинает превращаться в источник многокомпонентной угрозы для своих соседей. Столкновение же национальных интересов, трактуемых сугубо инструментально и сиюминутно, кардинально (вплоть до полной невозможности) затрудняет поиск решений, направленных на достижение «общего блага».

Подобную эрозию межгосударственного сотрудничества наблюдатели отмечают в разных регионах мира (из наиболее свежих примеров – трения внутри ЕС на фоне эпидемии коронавируса). Евразия, где межгосударственные конфликты различной интенсивности составляют повседневные реалии, также испытывает затруднения с международным взаимодействием. Кризис подобного рода вполне способен их обострить, существенно накалив обстановку в регионе в целом.

Надгосударственное (институциональное) взаимодействие также не отличается высокой эффективностью. А в Евразии, где не всегда высокая функциональность государствообразующих институтов сочетается с формализмом, разрешение кризисных ситуаций сталкивается с ещё более значительными трудностями. Международные организации и институты, скованные нормативными рамками, превращаются в пассивных наблюдателей, не имеющих возможности проводить независимую антикризисную повестку.

Обострение же этнокультурных, экономических, экологических, территориальных и иных противоречий в условиях «мультиполярного размежевания» чревато ситуацией «идеального шторма», когда грань между внешней и внутренней безопасностью государств будет размываться почти до исчезновения.

Кризисный сценарий. Суть противоречий, участники и инструментарий урегулирования

Специфика предложенного сценария заключалась в эндемичности и многофакторности кризиса, а также его «концентрическом» развитии – усугубление проблем в очаге порождало эскалацию напряженности в близлежащих политиях, а затем распространялось на глобальных игроков.

Гуманитарный, по сути своей, кризис (отягощенный, однако, потенциальным перерастанием в территориально-экономический), который сопряжен с этнокультурным конфликтом и интернационализирующейся проблемой беженцев, обладает огромным взрывоопасным потенциалом. Информационная прозрачность и медийность современного мира, к сожалению, усугубляют обстановку: новостной «фрейминг» способствует формированию поверхностного или искаженного взгляда на ситуацию, а в сочетании с назойливыми «фальшивыми новостями» в обстановке информационной перенасыщенности и дефицита времени может провоцировать необдуманные и откровенно деструктивные решения.

Среди потенциально проблемных территорий Евразии можно назвать области компактного проживания курдов или народности рохинджа, Индо-Пакистанский субрегион, Тибет и т.д. Драматургию моделируемого кризиса в той или иной мере составляли элементы, заимствованные в этих (и других) регионах, в том числе вероятные проблемы на территории бывших республик СССР.

Такие конфликты можно считать внутренне-интернационализированными, поскольку по сценарию генезис и движущие силы кризиса эндогенные, внутреннего происхождения. При этом: 1) конфликт развивался вокруг гуманитарной проблемы, вызванной и обострённой стихийными причинами, а также усугубленной неспособностью государства справиться с проблемой самостоятельно; 2) развитие конфликта неизбежно предусматривало активное международное участие: как совместно выработанные меры по урегулированию, так и предполагаемые или реальные попытки внешнего деструктивного вмешательства со стороны различных (в т.ч. и негосударственных) игроков.

Главными акторами выступили: **Россия** (в лице её политического руководства «Администрации Президента РФ» — команда целиком состояла из российских участников), **Андурия** — вымышленное

крупное государство Евразии, претендующее на роль регионального лидера, **ООН** и **ЕАЭС**, состоящие из российских и зарубежных игроков (с учетом стран и институтов, которые представляли участники). Действия сопредельных стран моделировались организаторами игры, то есть были экзогенными факторами, на которые игроки повлиять не могли. В процессе поэтапного развития кризиса команды разработали по три дорожные карты урегулирования (см. Приложение III «Общие характеристики дорожных карт»).

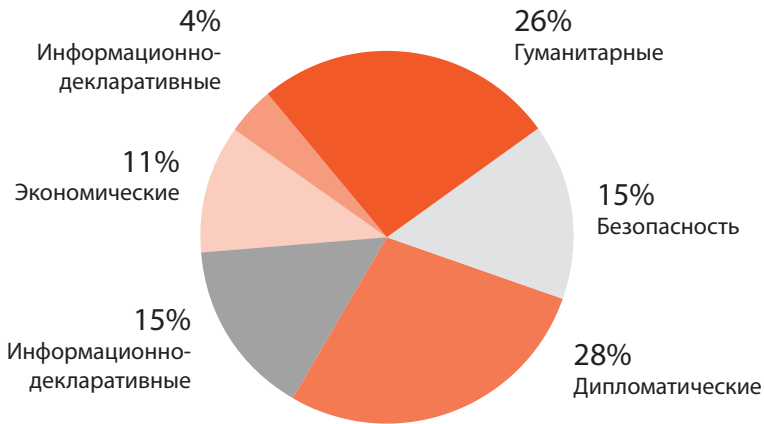
Предлагаемые участниками антикризисные меры (см. Таблицу 1 и Схему 1) ожидаемо концентрировались на попытках прежде всего **облегчить гуманитарное бремя кризиса для пострадавшей стороны** (вымышленное евразийское государство Калиман — см. Приложение I), глубоко не вникая в долгосрочные причины; по мере развития кризиса, однако, все **более приоритетной становилась задача обеспечения собственной безопасности** стран, которые грозил затронуть кризис.

Таблица 1. Предложенные меры

Предложенные меры	АП РФ	ЕАЭС	Андурия	Экспертная группа ООН	Всего
Дипломатические	10	7	15	6	38
Военные	6	2	7	5	20
Гуманитарные	11	5	8	11	35
Экономические	4	3	5	3	15
Декларативные	9	5	1	5	20
Экспертные	1	0	2	3	6
Всего	41	22	38	33	

Превалирование (относительное) дипломатических решений было ожидаемо с учётом международного и гуманитарного характера кризиса. Аналогичным образом оправдались ожидания большей инициативности от команд, представлявших государства. **Институты и организации менее склонны к интервенционизму**

Схема 1. Общее распределение антикризисных решений

в международных отношениях — во всяком случае, к инициированию односторонних мер. К тому же институты и организации скованы содержанием собственного мандата, как правило, зависящего от воли и желания входящих в них государств. Отсутствие «резких», откровенно военных мер в дорожных картах объясняется как сравнительно мягким протеканием кризиса (см. Приложение I), так и относительной эффективностью мер, направленных на укрепление безопасности (см. Приложение III).

Впрочем, отказ от прямого интервенционизма был общей чертой. Участники предпочли проигнорировать гражданские беспорядки в стране кризиса и не вмешиваться в конфликт. То есть, вопрос легитимности режима государства, переживающего кризис, в целом не рассматривался в качестве решающего фактора при принятии политических решений.

Меры, касающиеся применения военной силы, были направлены на обеспечение безопасности. Команды не стремились изменить расстановку сил в свою пользу. Споры о том, чей контингент необходимо задействовать, были скорее о том, кто из «стейкхолдеров» должен нести ответственность (прежде всего, материальную) по восстановлению региона.

Вместо выработки совместной единой общей итоговой дорожной карты командам было предложено подробное обсуждение хода

игры. В процессе обсуждения участники отметили следующие особенности подхода к решению проблем:

1. Превалирование прагматичного подхода над общегуманитарным;
2. Склонность к инструментализму в ущерб стратегическому мышлению;
3. Избегание решений вне существующих (как в игровой, так и внеигровой реальности) рамок и шаблонов;
4. По мере эскалации ситуации нарастает склонность перекладывать ответственность за решение вопросов на «сильных мира сего», в том числе, на международные организации и экономически сильных игроков;
5. Экспертные оценки «мешают» принимать политические решения, поскольку «усложняют» ситуацию, препятствуя очевидным шагам, которые так или иначе сводятся к попыткам изолировать, «закапсулировать» кризис в его очаге, не давая распространиться на свою территорию.

Общая оценка подходов сторон к разрешению кризисных ситуаций

Выявленные в процессе игрового моделирования особенности подхода команд к урегулированию международных конфликтов были сведены в единую таблицу (см. Приложение III). Ниже мы излагаем результаты практического анализа этих подходов.

Участники скорее склонны к выработке тактических, ситуативных (ad hoc) решений, чем к разработке стратегических. Это, в принципе, соответствует глобальным политическим тенденциям — формированию ситуационных альянсов, разновекторности подхода к вопросам стратегической безопасности.

«Незримое» присутствие в игре региональных (Индия) и глобальных (Китай, ЕС, США) факторов слабо принималось в расчет при выработке тактических решений (несмотря на очевидное наличие их интересов – экономических и стратегических), но до опреде-

ленных пределов (первой это начала делать команда ООН). Необходимость обращения к крупным акторам возникала прежде всего в контексте сбора денежных средств. **От глобальных и региональных держав в той или иной мере ожидается «удаленное участие» в решении локальных проблем — прежде всего финансирование и иная материальная помощь при минимальном политическом вовлечении в местные взаимодействия.** При этом их военно-политическое участие не рассматривалось вовсе.

Стоит подчеркнуть, что представители Индии и Ирана, сведенные в одну команду (Андурия), не проявили склонности к тотальной «суверенизации» кризисной проблематики: **исходя из вопросов прежде всего собственной безопасности и руководствуясь международными реалиями,** команда охотно шла на международное сотрудничество в гуманитарных и экономических вопросах и даже инициировала его, стремясь при этом переложить бремя ответственности (как финансовой, так и организационной) на плечи более крупных игроков. **Безусловное предпочтение отдавалось инструментам межгосударственного взаимодействия перед трансграничными** (но отнюдь не пренебрегая последними в лице, например, Красного Креста, “Врачей без границ” и т.д.) — по крайней мере, в тактических вопросах.

При этом вопрос суверенитета над своей территорией оставался для команды Андурии высшим приоритетом. Оберегая его, на вмешательство извне (в виде миротворцев ООН) команда пошла только перед лицом открытой угрозы потерять контроль над границей. При этом интервенционизм со своей стороны в качестве серьезного инструмента не рассматривался вовсе.

Российская команда продемонстрировала стандартный (и ожидаемый) уровень «средней тревожности» в отношении потенциального кризиса, который может развернуться в непосредственной близости от границ страны, но напрямую ее, предположительно, не затронет. Команда так и не сформулировала интересов России в отношении кризиса и вовлеченных в него сторон, поначалу проявляя интерес только к Ташкортистану (поведение которого моделировалось организаторами как умеренно-дружественное к России, а в связи с членством Ташкортистана в ОДКБ безопасность его границ и его суверенитет были сразу объявлены командой в качестве приоритетной задачи) и к потенциальному региональному лидеру Андурии. В восприятии последней прагматизм (доходящий до цинизма) сочетался с тактической благожелательностью.

К вопросу беженцев, обострявшемуся по мере эскалации кризиса, относились инструментально (даже после того, как он затронул РФ напрямую — хотя и в существенно меньшей степени, чем остальные задействованные территории). **Возможно, слабое стремление «секьюритизировать» проблему беженцев связано с определенной «привычкой» России к массовому приему беженцев и сезонной рабочей силы, в частности, из Центральной Азии.**

При этом осознание страданий и невзгод, выпавших на долю беженцев, не помешало поиску тактических выгод. Так, российская команда предложила Андурии перенаправить потоки беженцев в основном на территорию ЕС, чтобы «выбить из Европы больше денег». Предложение было отвергнуто — но не сразу. **Вероятно, опыт «стран-транзитёров» потоков беженцев (Турции и Венгрии, в частности) представляется вполне полезным, политически (и этически) допустимым.**

В целом команда РФ продемонстрировала подчеркнутый прагматично-утилитарный подход к решению поставленных задач, относя вопросы стратегического характера (связанные с долгосрочными евразийскими перспективами России) на задний план, но и не выпуская их из виду совсем.

Команда ЕАЭС сосредоточилась на обсуждении экономических проблем региона и возможностях Союза содействовать улучшению ситуации в этой сфере. При этом игроки действовали, исходя из своего реального опыта и национальной идентичности. Кризис в соседних странах плох прежде всего тем, что подрывает возможности нормального экономического развития региона. Так что безопасность в данном случае – вопрос прагматический. **Команда предпочитает фокусироваться на решении конкретных проблем инфраструктурного характера, которые она полагает наиболее насущными, не отвлекаясь на обсуждение стратегических задач.**

Команда проявила склонность к уходу от инициативных действий и передаче ответственности другим институционализированным игрокам — Евросоюзу (чтобы решить вопрос с финансированием помощи беженцам), ОДКБ (чтобы решить проблему безопасности, введя войска в страну, ставшую очагом кризиса). Идея наладить и возглавить силами ЕАЭС челночную дипломатию не нашла поддержки других игроков ввиду “отсутствия полномочий” у института. Идея стимулировать региональные интеграционные процессы, следуя логике европейской интеграции, не принята самой командой ЕАЭС.

Отсутствие в реальности у ЕАЭС прочной институциональной базы, общей политики, целей и ценностей определило следующее: игроки из Казахстана, Кыргызстана и Беларуси, хорошо понимая, что представляет собой ЕАЭС сейчас, даже в игровой ситуации не могли себе позволить выйти за рамки реального положения дел.

Экспертная группа ООН — пока ситуация оставалась в рамках «нормальности» — ограничивалась увещеваниями и призывами к сотрудничеству, пытаясь одновременно составить полную «карту рисков» и оперируя в том числе неподтвержденной (но тревожной) информацией о возможных инцидентах.

По мере эскалации кризиса команда разрабатывает рекомендации для решения гуманитарных проблем — беженцы, чистая вода и санитарно-эпидемиологическая обстановка. При этом активно использовалась собственная экспертиза членов команды, позволявшая резко критиковать несостоятельные планы решения экологических и гуманитарных проблем.

В целом роль команды (вплоть до последнего момента) сводилась к экспертно-просветительскому обеспечению (команда инициировала больше всех экспертных мер) и риторическим интервенциям. Резкое обострение кризиса побудило представителей ООН инициировать созыв совещания Совбеза (без общения с другими командами), что совпало с чаяниями Андурии. Принято решение задействовать миротворческие силы. Кроме того, ООН выдала ОДКБ мандат для нормализации ситуации, «разделив» объем работы и ресурсы с региональной организацией.

Команды (за исключением экспертной группы ООН) уделяли наименьшее внимание экологическому и экономическому аспектам кризиса, что, возможно, объясняется как недостаточной экспертной подготовкой участников, так и долгосрочностью этих проблем. Физическое устранение последствий стихийного бедствия и решение гуманитарных проблем с беженцами представлялось наиболее насущными задачами — им (как правило, по отдельности) и было уделено наибольшее внимание. **Предложения, связанные с комплексным и стратегическим решением кризиса, выдвигала только команда ООН.**

Главная практическая сложность для участников подобных мероприятий (которая, вероятно, имеет место и в процессе реального приня-

тия решений) — конфликт между собственным практическим опытом и игровыми обстоятельствами. В каких-то случаях предшествующий багаж обеспечивает достаточную основу для принятия решений, в каких-то, наоборот, становится тормозом. Подобные конфликты имеет смысл прорабатывать после игры с привлечением экспертов (включая психологов), так как их разрешение обеспечивает игрока новыми ощущениями, переживаниями – и новым опытом, который ему необходимо переработать. **Впоследствии же результаты рефлексии могут (и должны) быть применены на практике.**

Особенности антикризисной международной коммуникации

Ход игры продемонстрировал **недостаточно высокую** готовность участников инициировать межкомандную (т.е. межгосударственную и институциональную) коммуникацию; **возможно, внешним коммуникациям в какой-то мере препятствует общая тенденция к «суверенизации» вкупе с недоверием к эффективности межгосударственных и надгосударственных институтов.**

Прежде всего, коммуникативная функция обеспечивалась декларациями разной степени содержательности и драматизма (декларативно-риторические шаги и увещевания составили 15% всех принятых антикризисных мер). Наибольшее количество информационно-декларативных мер предложила команда России.

На пресс-конференциях команды охотно реагировали (в том числе с критических позиций) на действия и предложения других команд, но практически не учитывали их в своих дальнейших антикризисных разработках. Главным драйвером сюжета были сценарные ходы организаторов и их информационные интервенции, которые поначалу вызывали живой отклик — и реакцию — команд, но с течением времени те предпочитали всё же предварительно уделить значительное время проверке достоверности поступающей информации, что снизило скорость реакции, но повысило её надежность.

Пресс-конференции стали самым динамичным этапом игры. Дополнительную интригу вносили «информационные интервенции» организаторов, представлявших СМИ, общественных и государственных деятелей, зачастую настроенных скептически, а то и откровенно конфронтационно (от «Греты Тунберг» до представителей Госдепа

США или органов Евросоюза). Это вынуждало команды активно защищать свои дорожные карты, включаясь в полемику с ораторами.

Главные политические итоги и подходы к антикризисному управлению

- Команды, не сговариваясь, действовали в основном в парадигме «прагматичного реализма», с легкостью уходя в секьюритизацию любой проблематики (и с трудом выходя из нее).
- Гуманитарные проблемы сохраняли статус «низкого приоритета» («Как легко мы забыли о том, что гордии — тоже люди»).
- Идеологические вопросы вовсе не были актуальны (в рамках игровой ситуации).
- Хотя стороны действовали в своих интересах, в дорожных картах не прослеживаются заявления о «красных линиях». Команды видели своей целью прежде всего стабилизировать ситуацию, поэтому им было легче прийти к общему пониманию. Однако взаимодействовали между собой слабо.
- Участники предпочли проигнорировать гражданские беспорядки и не вовлекаться в конфликт. На провокационное предложение «журналистки *The New York Times*» вмешаться в ситуацию внутри Калимана команды ответили, что это внутренние дела государства. То есть, вопрос легитимности режима и правомерности его действий с точки зрения прав человека в целом не рассматривался при выборе модели поведения.
- Команды, представляющие страны (Россия, Андурия), легко использовали опыт политического давления на ЕС (шантажа), позаимствованный у «стран-транзитёров» — Турции и Венгрии.
- Претензии на региональное лидерство в Евразии вряд ли могут быть подкреплены солидными гуманитарными аргументами (и обеспечены серьезными гуманитарными ин-

струментами); подобная заявка, по всей видимости, по-прежнему будет опираться на экономическое и военное (а также технологическое как производную от этих двух) могущество. Поскольку Китай в игре отсутствовал, неясно, насколько этот вывод применим к нему (попытки апеллировать к КНР в процессе игры были).

- Евразийские институты слабы и практически не способны на самостоятельные действия, они (и их представители) скованы рамками и регламентами.
- Залогом успешных действий (а в кризисном режиме — в особенности) остаются межгосударственные договоренности и взаимодействия. Принятие решений лучше делегировать политическому руководству страны (причем персонально). При этом в сложной ситуации возникает устойчивое желание делегировать ответственность за принятие решений межгосударственным блокам, которые считаются сильными (силовыми — ОДКБ), авторитетными (ООН) или богатыми (ЕС).
- Российские услуги как «провайдера» безопасности в Евразии пользуются не столь очевидным спросом, как принято считать в российской экспертной среде. Уровень доверия к России вовсе не безоговорочный. В случае необходимости силового вмешательства (миротворческой операции) страны Евразии склонны скорее обращаться к мировому сообществу (авторитет ООН сомнению не подвергается).

В Евразии не оказалось института, уполномоченного участвовать в разрешении подобных кризисов. Когда выяснилось, что ЕАЭС занимается вопросами экономической интеграции, и не уполномочен решать, скажем, проблему обеспечения пресной водой (так как это затрагивало проблему распределения квот), роль площадки для взаимодействия перешла к ООН. В свою очередь, команда ООН предложила разделить зоны ответственности с ОДКБ.

Отсутствие негативных коннотаций является для ОДКБ преимуществом. Однако у ОДКБ также нет мандата принимать всеобъемлющий пакет мер для предотвращения эскалации кризиса. Поэтому всё, что оставалось делать институциональным игрокам – пассивно ждать момента, когда ситуация ухудшится настолько, что можно будет вмешаться. Хотя ООН отдавался приоритет, было ясно, что его «мощностей» не хватит, в том числе, в материальном плане. ***Кроме***

того, нет механизмов, способных заставить заинтересованные стороны нести расходы, и не существует четких критериев, кто именно и почему должен это делать.

Перспективы разрешения реальных конфликтов и стратегические задачи России в Евразии

В общем контексте развития мировой политики Евразия неизбежно будет занимать все более важное место. Обеспечивая беспрецедентные возможности для международного сотрудничества и развития, она в то же время может стать источником и беспрецедентных по своей остроте и сложности кризисов. Недооценка важности Евразии для России (и наоборот) — фатальна. Тем более, что некоторые процессы, наблюдающиеся в регионе уже сейчас, не могут не вызывать опасений.

С одной стороны, отдельные эксперты отмечают нарастающее стремление некоторых стран Центральной Азии к дистанцированию от России (впрочем, их оценки в экспертном мейнстриме считаются маргинальными). С другой, в Евразии отмечается также и ползучий рост синофобии. «Суверенизация» стран и регионов, обострение межгосударственных (и внутригосударственных) противоречий, достаточно слабый в целом уровень интеграции в регионе — далеко не полный перечень стратегических угроз, с которыми мы столкнёмся в ближайшем будущем.

Эрозия уже существующих институтов ставит на повестку дня задачу ревизии институционального и межгосударственного сотрудничества в регионе. Игра выявила отсутствие институционального субъекта, который мог бы оперативно реагировать на развитие ситуации. Эту функцию возложили на ООН, однако та не могла предложить превентивных шагов, ограничившись только рекомендательными и декларативными мерами. Несмотря на это, в целом авторитет ООН в регионе остается непререкаемым.

Впрочем, можно ставить вопрос о создании регионального института/системы институтов нового типа, не подверженных «недугам» существующих (бюрократическая дисфункция, безынициативность, «местечковость»). Правда, его функции могут и (скорее всего) будут пересекаться с функциями ООН. И совсем необязательно появ-

ление дублирующего института (даже с присутствием России) будет укреплять позиции РФ.

Активность российских участников позволяет предположить, что **Россия видит себя главным региональным поставщиком безопасности в самом широком смысле — включая гуманитарный, поскольку считает этот статус залогом своего лидерства в регионе.** Подобными возможностями она (с учетом объективных ограничений) обладает, однако для их реализации необходимо добиться такого уровня доверия от региональных акторов, которым Россия пока не располагает. Неподготовленный антикризисный интервенционизм всегда будет рассматриваться другими игроками как попытка получения односторонних выгод и преимуществ. И, соответственно, встречать противодействие.

Основной задачей международной политики ближайшего будущего, таким образом, может стать не обеспечение классической военно-политической безопасности, а совместные усилия по стабилизации кризисных государств и территорий, в идеале — **профилактическая работа по предупреждению возникновения конфликтов такого рода.** Практически любой конфликт, удерживаемый в национальных границах, способен перерасти в межрегиональный, а затем и в глобальный. Во взаимосвязанном мире стирается грань между внутренним и международным кризисом, особенно когда речь идет о крайне многообразной, но исторически целостной части мира, наподобие Евразии.

На территории стран СНГ, «постсоветских» и сопредельных им государств следует рассмотреть возможности **тщательного и предельно осторожного культурно-информационного взаимодействия со всеми политическими силами, в том числе оппозиционными действующим властям и считающимися маргинальными.** Отдельно и чрезвычайно внимательно выстраивать отношения с местными политическими и экономическими акторами, которые не оформлены институционально, особенно с учётом важности неформальных личных и групповых контактов в Евразии для установления доверия. При этом необходимо соблюдать особую осмотрительность, четко разграничивать инклюзивность (вовлеченность) в политическую коммуникацию и политическую (и информационную) поддержку, чтобы избежать ненужных подозрений в фаворитизме.

Россия обладает как успешным опытом разрешения конфликтов (Сирия), так и менее удачным — причем наибольшие издержки име-

ли место на близлежащих территориях (Кавказ, в частности, Украина), неоптимальна и российская политика в Центральной Азии. Хотя стратегически расширение политической коммуникации в регионе неизбежно, что, в свою очередь, будет способствовать повышению роли России.

Особое внимание следует уделить академическому, экспертному и информационно-медийному обеспечению политических решений.

Расширить присутствие в медийно-информационном поле, создавая не «альтернативную (то есть вторичную, реактивную) информацию» силами, например, *RT*, как сейчас (и уж тем более не разжигая «информационные войны»), а самостоятельно формируя конструктивную повестку. В Евразии объективно меньше препятствий для этого, но, конечно, необходимо осуществление реального широкого экономического, культурного, социального международного сотрудничества на всех уровнях (не только межгосударственном).

Игра и весь проект 2020 г. подтвердили актуальность рекомендаций, данных во время реализации аналогичного проекта в 2019 году. Это касается необходимых мер по развитию отечественной страноведческой школы, разработки курсов по военной политике, военному руководству и военной экономике для магистрантов вузов социальных, политических и экономических специальностей, а также глубокое изучение экономических инструментов воздействия (санкции разного рода), которые используются всё активнее и наносят серьезный урон. Кроме того, для полноты картины не хватало видения европейских участников, которые отсутствовали по причине пандемии – безусловно, их оценка евразийских институтов и региональных процессов обогатила бы анализ.

Заключение

В результате проведения политической игры «Евразийский узел: идеальный шторм», выявлены следующие проблемы:

- неэффективность существующих евразийских институтов в решении потенциальных гуманитарных кризисов;
- недостаток стратегических долгосрочных мер, предложенные решения носили тактический характер;

- желание переложить ответственность, главным образом, материальную, на сильных игроков – державу (Китай), группу стран (ЕС), или авторитетный международный институт (ООН);
- преимущественное мышление в рамках «секьюритизации» конфликта или поиска способов извлечь из него пользу в ущерб антикризисному (и стратегическому) сотрудничеству.

Выявленные проблемы открывают новые сферы для взаимодействия, что дает широкие возможности для профессионального и экспертного сотрудничества между странами Евразийского континента.

Проведенная игра — один из шагов в этом направлении, так как по ее итогам:

- между участниками игры было налажено взаимодействие для выработки совместных мер для ликвидации последствий гуманитарной катастрофы;
- игроки получили «обратную связь» от участников из других стран Евразии и от организаторов;
- в «дорожных картах», представленных командами, Россия вновь играла роль одного из гарантов международной безопасности, на этот раз в гуманитарной сфере;
- были выявлены новые факторы риска и предложены решения, способные в будущем оказать конструктивное влияние на развитие международного сотрудничества в Евразии.

Организаторы намерены продолжать работу в данном направлении, учитывая, что для понимания вектора развития евразийского региона необходимо присутствие и европейских участников (которые не имели возможности приехать по причине пандемии нового коронавируса). Этот трек представляет большой интерес для евразийского экспертного сообщества, и мы готовы развивать проект в дальнейшем.

Приложение I. Общий сценарий игры. Ход игры

ПРЕАМБУЛА

Трагическое стечение обстоятельств вокруг трех государств в Евразии угрожает перерасти в «идеальный шторм». Действие происходит в двух относительно небольших странах – **Ташкортистане, Калимане**, а также в довольно крупной **Андурии** и на сопредельных территориях.

Сочетание крайне неблагоприятных погодных условий, локальных природных катаклизмов и безответственного хозяйствования вызвало кризисную ситуацию, которая чревата масштабной гуманитарной катастрофой на территории Калимана и во всем регионе.

ГЕОПОЛИТИКА ТРЕХ РЕСПУБЛИК

(см. Приложение II. «Географические карты»):

Калиман (в основном горная страна) и Ташкортистан вытянулись примерно с северо-востока на юго-запад, вдоль русла и долины крупной реки; граница протекает в среднем ее течении. Истоки реки находятся в отрогах горного хребта, окаймляющего Калиман. Ближе к границе с Ташкортистаном долина становится широкой и некогда весьма плодородной. В самом нижнем течении река пересекает границу Ташкортистана с Андурией и впадает в море на территории Андурии. В дельте расположен крупный морской порт.

По северному хребту проходит граница Ташкортистана с Россией и Калимана с территорией крупной постсоветской евразийской республики. На юге Калиман и Ташкортистан граничат с Андурией. Граница между Калиманом и Андурией протекает также по горному хребту и не полностью демаркирована, что традиционно служит одним из поводов для взаимного недовольства и эпизодических пограничных обострений.

В Андурии (в рамках «Войны с террором») несколько лет расквартирован небольшой регулярный контингент армии США, который действующий американский президент собирается вернуть

домой (на фоне постепенного ухудшения отношений Соединённых Штатов и Андурии).

В Ташкортистане, который является членом ОДКБ, расквартирован российский военный контингент (дивизия). База расположена близ границы с Калиманом.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Калиман:

Традиционалистское, довольно спокойное суннитское исламское государство с президентским правлением. Есть парламент — маджлис. Независимое. Не входит ни в одну региональную организацию, хотя поддерживает отношения с разными объединениями, в том числе ШОС и ЕАЭС.

Ташкортистан:

Более вестернизированное постсоветское государство, парламентская республика. Главное лицо — спикер парламента (он же, по сути — глава наиболее влиятельного клана или коалиции ведущих кланов). В Ташкортистане за последние десять лет было две «бархатные революции» с демократическим антуражем. В результате к власти пришло нынешнее руководство, относительно эффективно управляющее страной. Член ОДКБ.

Андурия:

Крупная многонациональная и поликонфессиональная страна, распределение этносов и конфессий сопоставимое, но некоторый перевес на стороне коренного большинства (самоназвание — «согдийцы», «согды»), которое исповедует экзотическое ответвление ислама — ахамадизм (многие богословские школы вообще отрицают ее принадлежность к исламу, считая согдов-ахамадийцев еретиками). Еще есть мусульмане-сунниты, христиане, буддисты и зороастрийцы.

В Андурии демократическая система правления, но с явным креном в сторону нелиберальной демократии. Страна переживала периоды серьезной нестабильности, в том числе и с насильственным отстранением от власти политического руководства. В данный момент управляет лидер с авторитарными наклонностями. Страна обладает существенными вооруженными силами, проводит независимый внешнеполитический курс, не является участником альянсов, старается поддерживать ровные отношения с разными центрами силы.

ЭКОНОМИКА

Калиман:

В предгорьях у верховья реки расположен химкомбинат, построенный еще при помощи СССР (в рамках программ по поддержке братских стран). Предприятие функционирует лишь частично, что связано как с неразвитостью промышленности в самой республике («старые» кадры либо умерли, либо уехали), так и с тем, что основные источники минерального сырья для комбината расположены на территории Ташкортистана, а экономические связи между ними толком так и не наладились. Некогда (во времена СССР - основного покупателя) довольно развитая трикотажная промышленность Калимана находится в застое из-за падения урожаев хлопка и ухудшения его качества. Руководство Калимана готовит амбициозный ирригационный проект, предполагающий как попытку рекультивации пострадавшего земельного фонда, так и освоение под зерновые (и хлопчатник) новых земель. Воду для проекта предлагается брать из реки.

В настоящее время установлены контакты **с Европейским банком реконструкции и развития**, который должен профинансировать (под госгарантии) этот проект. Проект проходит экспертную оценку в банке. По слухам, банкиры настроены благосклонно.

Ташкортистан:

Достаточно крепкая по региональным меркам. Есть разнообразные промышленные производства. Месторождения минерального сырья, которое когда-то поставлялось в основном на промкомбинат, расположенный на территории Калимана. Сейчас в основном продается на экспорт в Восточную Азию через порт, расположенный на территории Андурии. Мощный гидроэнергетический узел, построенный при СССР, с запасом обеспечивает электричеством. Часть электроэнергии продается в Калиман и Андурию (линии электропередач нуждаются в некоторой модернизации).

Руководство Ташкортистана подготовило проект масштабной модернизации гидроузла, включающий возведение еще двух энергокаскадов в среднем течении реки, что в перспективе почти удвоит производство электроэнергии.

В настоящее время установлены контакты с консорциумом китайских банков во главе с **Промышленным и коммерческим банком Китая (Азиатский банк развития)**, который должен профинансировать проект. Он проходит экспертную оценку в банке. По слухам,

банкиры настроены благосклонно, тем более что проекты промышленного развития Ташкортистана, которые призваны обеспечивать электроэнергией новый каскад, сопрягаются с планами Китая в рамках «Одного пояса и одного пути» (ОПОП).

Андурия:

Довольно продвинутое в технологическом плане и промышленно развитое государство с традиционно сильным земледелием. Экономика достаточно сбалансированная.

Поговаривают, что Андурия разрабатывает ядерное оружие и близка к его обретению, но проверки МАГАТЭ не выявили однозначных материальных свидетельств ядерной программы — хотя подозрения крепнут; в печать просочились сведения о подозрительных контактах полуофициального уровня с КНДР.

ИДЕАЛЬНЫЙ ШТОРМ — ПРЕДПОСЫЛКИ КРИЗИСА

Экологическая составляющая

Из-за лесных пожаров на сопредельной территории (в России и постсоветской республике) в атмосфере накапливалось облако мелкой сажи, которую несло ветром к горному хребту. Там она осаждалась, влияя на режим формирования и таяния ледников. В последний год пожары были особенно интенсивными, а роза ветров — крайне неблагоприятной. Случился нехарактерный для местности сезон ливневых дождей.

Совокупность изменения состояния ледников, дождей и нескольких несильных землетрясений вызвала сход селевых потоков и полностью изменила режим главной реки — наводнения разрушили ирригационную систему Калимана, и без того находившуюся в запущенном состоянии. Система раннего предупреждения о землетрясениях, развернутая на территории России с применением новейших технологий, выдала информацию о возможности мощного землетрясения с эпицентром в горах северного Калимана (волна распространится и на Ташкортистан, и на Андурию).

Экономическая составляющая

Комбинация крайне неблагоприятных экологических изменений вкупе с безответственным природопользованием в попытках обеспечить

рост экономики грозит Калиману острейшим продовольственным кризисом в ближайшее время. Страна может оказаться не в состоянии обеспечить себя зерновыми; эрозии и засолению подверглись также почвы хлопковых плантаций. Последовавший упадок легкой промышленности подорвал экспортный потенциал Калимана.

Между Калиманом и Ташкортистаном обостряется политэкономическое противостояние, связанное с конфликтом экономических интересов, о существовании которого страны узнали совсем недавно.

В самом ближайшем будущем Китай намеревается обустроить транспортно-инфраструктурный рукав ОПОП, в который входит морской порт в Андурии. Этот проект сулит серьезные вливания в ее экономику. Калиман и Ташкортистан ревниво смотрят на перспективы «обогащения соседа за счет Китая». Они и сами не прочь привлечь китайские капиталы.

Гуманитарная составляющая

Ухудшение экономической обстановки стимулирует отток людей из Калимана. Этническая основа мигрантов — представители народности *гордиев*, проживающей в этнических анклавах по всем трем странам. Их экономическое положение и отношение к ним разное. По вероисповеданию гордии в основном зороастрийцы, а не мусульмане, как большинство населения Калимана, Ташкортистана и Андурии.

Власти всех трех стран крайне обеспокоены сложившейся ситуацией — каждая по своим причинам (Калиман опасается депопуляции и окончательной экономической деградации, Ташкортистан — неконтролируемой миграции бедноты и повышения социально-политической напряженности, Андурия — роста сепаратизма с проникновением гордиев-беженцев).

В Калимане гордии — относительно многочисленны, но достаточно бедны. Заняты в сельском хозяйстве и трикотажной промышленности. Своей автономии не имеют, хотя их предгорный анклав достаточно четко определен географически. В результате подрыва экономической базы постепенно начали переселяться в Ташкортистан и Андурию, где их принимают — по разным причинам — относительно неохотно.

В Ташкортистане гордии — напротив, достаточно зажиточное, но немногочисленное меньшинство, занятое в основном в торговле и

банковском деле. Живут компактно, в номинальной автономной области на юго-востоке близ границы с Андурией. На приезжающих смотрят как на бедных родственников, хотя пытаются им помогать.

В Андурии гордии — проблемное и относительно крупное этническое меньшинство. Небогаты, склонны к сепаратизму. Запрещенная властями Андурии «Партия гордийского труда» — радикальная левацко-националистическая группировка. Поэтому иммиграция гордиев из Калимана не приветствуется, хотя по линии «воссоединения семей» какое-то количество все же приезжает.

В Европе есть диаспора гордиев (в основном в юго-восточных странах и в Германии). В последние годы она получила прилив «свежей крови» — молодых выходцев из Калимана и Андурии. В диаспоре намечается расслоение — «старики» пытаются ассимилироваться среди европейцев, молодые же исповедуют национализм различной степени радикальности. В России также есть небольшая диаспора гордиев.

В ЦЕНТРЕ ШТОРМА — РАЗВИТИЕ КРИЗИСА

Этап 1

В Калимане происходит землетрясение. Оно вызывает сход мощнейших селевых потоков вместе с наводнением. Предгорные районы Калимана подвергаются жесточайшим разрушениям, после чего **отток населения резко усиливается и превращается в поток беженцев**. Жители Калимана (прежде всего гордии) начинают массово покидать территорию компактного проживания, двигаясь на юго-запад.

Ташкортистан спешно разворачивает лагерь беженцев недалеко от границы с Калиманом и Андурией, что вызывает резкие протесты со стороны последней.

Гордии Ташкортистана пытаются помочь беженцам, но их ресурсов (прежде всего административных) не хватает. Власти также испытывают организационно-логистические проблемы. В Ташкортистане набирает силу прежде маргинальное движение сепаратистов, утверждающее, что без собственного государства гордии обречены на прозябание и вымирание.

Власти Калимана пытаются одновременно блокировать анклав гордиев и направить туда гуманитарную помощь, обратившись к международным гуманитарным организациям. Однако среди гор-

диев растет недовольство. Отдельные их группы пытаются нелегально просочиться через границу в Андурию. На границе между Калиманом и Андурией происходят первые инциденты со стрельбой и жертвами.

Этап 2

Поток беженцев становится неудержимым. В Калимане упорно говорят о злоупотреблениях и коррупции в связи с распределением гуманитарной помощи. Нарастает брожение среди небольшой по составу группы младших офицеров – выходцев из гордиев.

Фильтрационные пункты на границах с Ташкортистаном и Андурией не справляются. Созданы новые лагеря беженцев. В них возникает **угроза эпидемии**, что связано с нарушением водоснабжения из-за того, что **селевые потоки сделали воду в основном течении реки непригодной для питья**.

На химкомбинате в Калимане происходит авария (есть подозрения на теракт), в результате которой происходит дополнительное отравление вод реки.

Единственная пригодная для питья вода – в притоках, что идут с гор Андурии (но протекают в основном по территории Калимана). Между Калиманом и Андурией нарастает напряженность по поводу того, кому принадлежит вода в притоках. В Калимане и отдельных районах Андурии вводится режим жесткой экономии воды. **Страны начинают обвинять друг друга в несанкционированном водозаборе**.

Добравшись до берега моря (в основном через территорию Андурии), гордии на подручных средствах **переправляются на территорию ЕС**. Также гордии пытаются нелегально **перебираться в Россию** (через территорию Ташкортистана).

Этап 3

Калиман: Гордии предпринимают попытку вырваться из заблокированного анклава силой. В столице происходит прогордийский военный мятеж «лейтенантов». Часть лояльных правительству войск задействована в блокаде гордиев и подавлении их выступлений на севере, поэтому мятежникам удается на два дня захватить часть столицы, офис центрального СМИ и передать обращение «Ко всем

гордиям мира и прогрессивному человечеству» с просьбой о гуманитарной и политической помощи.

Центральные власти деморализованы и частично недееспособны. Резко поднимается только что созданное националистическое движение большинства, которое требует немедленной отставки правительства как неспособного обеспечить порядок, призывает власти подавить бунт меньшинств и защитить интересы основной части населения.

Ташкортистан: В одном из лагерей беженцев (см. карту) возникает эпидемия. Сепаратистское движение радикализуется, в него вливаются гордии-беженцы. Следуют угрозы терактов, а затем и реальные теракты — взрывы заложенных бомб, нападения в толпе (в том числе и в столице). Правительство объявляет ЧП.

В стране нарастает поляризация. В столице — гордийские погромы. Заявляет о себе исламская партия, которая обвиняет светские власти в моральном и политическом банкротстве и выводит на улицы десятки тысяч сторонников.

Правительство обращается к ОДКБ и России с просьбой вмешаться и помочь законным властям навести порядок. Чтобы обосновать легитимность такого обращения, руководство страны объявляет происходящее результатом вмешательства внешних сил, фактически внешней агрессии, для защиты от которой и существует ОДКБ.

Андурия: Власти Андурии с помощью армии пытаются наглухо перекрыть участок границы, через который гордии перебираются в страну, но преуспевают лишь отчасти. Военные США блокируют территорию вокруг базы, в числе прочего блокпостами выведено из действия одно из магистральных шоссе. На закрытой территории объявляется карантин. Проблемы с водозабором грозят перерасти в вооруженные стычки — сначала между населением Калимана и Андурии, потом уже с привлечением вооруженных сил.

Европа: Гордийская диаспора в попытках привлечь внимание к бедственному положению соотечественников и бездействию ЕС переходит к активным действиям, сначала угрожая терактами, а затем приводя угрозы в действие. В Европе нарастает политическая неразбериха в связи с происходящим. Ультраправые партии требуют

закрытия границ и полного перекрытия путей проникновения беженцев. Либеральные круги критикуют правительства за безразличие к гуманитарной катастрофе в странах, затронутых кризисом. Одновременно усиливается страх перед эпидемией, распространителями которой в Европу могут стать беженцы.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИГРЫ ЭКСКЛЮЗИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ КОМАНД

Экономический конфликт интересов:

(информация доступна командам ЕАЭС, Андурии, ООН)

Реализация любого из двух крупных проектов в Калимане или в Ташкортистане (даже начало его) несомненно поставит под угрозу другой. Калиман и Ташкортистан узнали о планах друг друга недавно, что привело к очередному обострению и без того не слишком теплых отношений. Оба этих проекта (по разным причинам) вызывают опасения руководства Андурии. Её беспокоит потенциальное энергетическое и промышленно-экономическое усиление конкурента в лице Ташкортистана. Впрочем, наличие крупнейшего в регионе морского порта дает Андурии возможность рассчитывать на то, что в какой-то мере диктовать условия по формированию транспортной инфраструктуры будет именно она (тем более, что в наибольшей степени проекты с Китаем продвинулись именно в Андурии).

Политический конфликт интересов:

(информация доступна командам Андурии, ООН)

Ташкортистан и Калиман обвиняют Андурию в попустительстве деятельности радикальных исламистских организаций и проникновению эмиссаров на её территорию — а то и в поддержке радикального исламизма. В частности, и в Калимане, и Ташкортистане действует вооруженная группировка радикалов-исламистов «Амарат Кара-казак». Андурия обвинения категорически отвергает.

Лет 15 назад во втором по величине городе Ташкортистана (одном из древнейших городов Средней Азии) произошли вооруженные беспорядки, жестоко подавленные властями. Власти объявили, что это был мятеж исламистов и обвинили Андурию в его провоцировании и поддержке. Та, естественно, гневно отрицала любую

причастность к исламизму, заявляя, что обвинения ложны (в целом, справедливо). В процессе беспорядков правивший в Ташкортистане клан уничтожал своих бизнес-конкурентов, многие из которых были исторически выходцами из Калимана.

(информация доступна команде Андурии)

Власти знают о том, что в стране есть сообщества исламистов-радикалов, но уверены, что держат ситуацию под контролем. В целом так оно и есть. Власти Андурии не поддерживают «Амарат кара-казак», но до конца искоренить группировку не могут. Властям известно, что в последнее время из населённых районов и городов Андурии исламисты-радикалы перебираются в горы на границе с Калиманом, где (по неподтвержденной информации) вливаются в ряды обосновавшихся там «кара-казак».

Информационные «вбросы»

Этап I

- В горах на границе между Калиманом и Андурией находится действующий лагерь боевиков «Амарата Кара-казак» *(правда)*
- Лагерь боевиков в горах между Калиманом и Андурией серьезно разрушен в результате землетрясения. Есть жертвы *(правда)*
- Землетрясение вызвано испытаниями тектонического оружия в России *(точной информации нет и не предвидится)*
- Землетрясение нарушило безопасность конструкции плотины гидроузла в Ташкортистане, и она вот-вот рухнет *(fake)*

Этап II

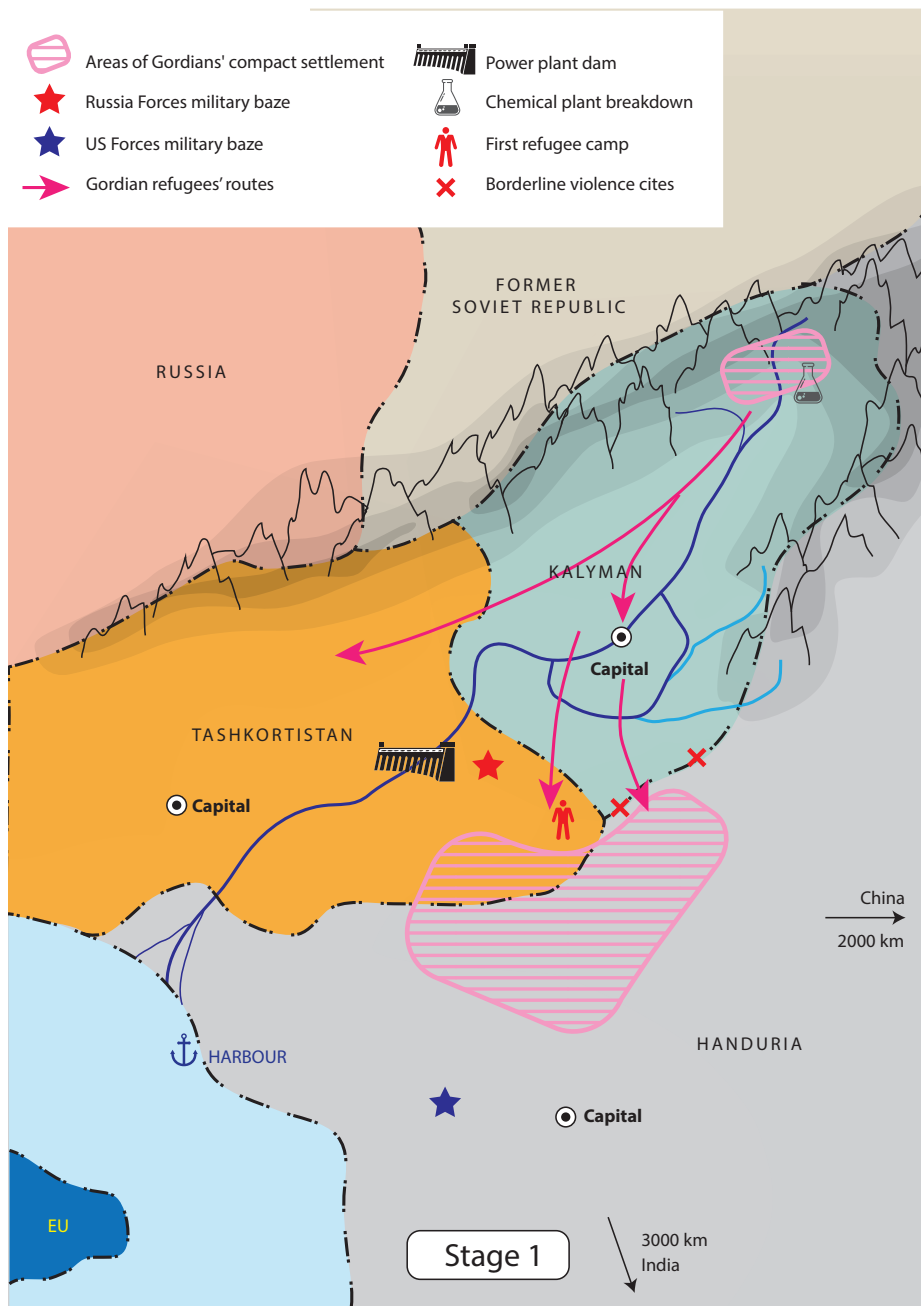
- Авария на химкомбинате — дело рук «Амарата Кара-казак» *(fake)*.
- Злоупотребления и коррупция в связи с распределением гуманитарной помощи в Калимане *(правда)*.
- Брожение среди группы младших офицеров ВС Калимана – выходцев из гордиев *(правда)*.

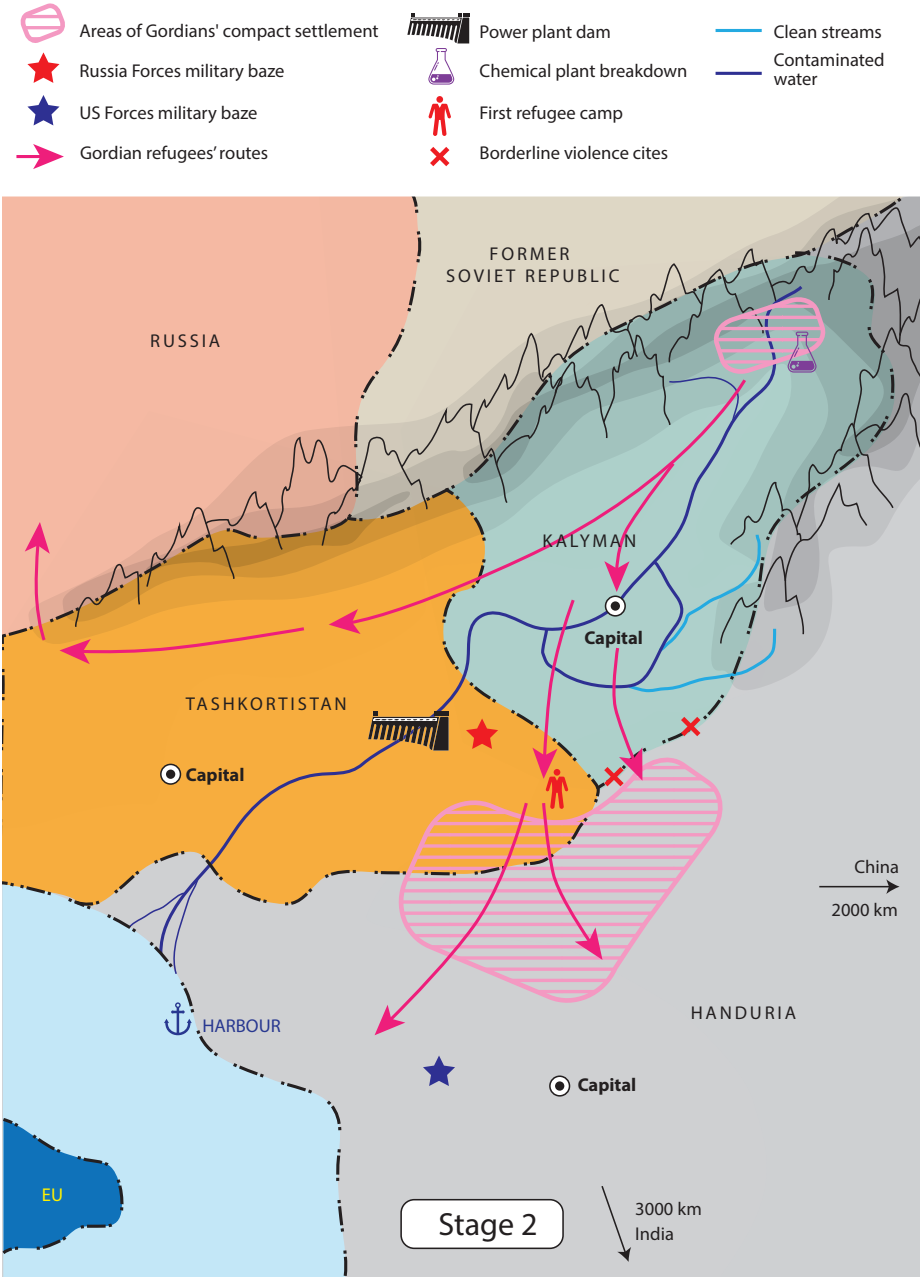
- «Амарату Кара-казаков» удалось выкрасть втайне изготовленный в Андурии ядерный заряд (*fake — заряда нет*)
- Вместе с беженцами из Калимана на территорию Ташкортистана проникают эмиссары «Амарата Кара-казаков» (*правда — выявлены единичные случаи*)
- Утечка из Генштаба ВС России: Россия готовится ввести войска в Ташкортистан; для чего — неизвестно (*официальные лица это отрицают*)

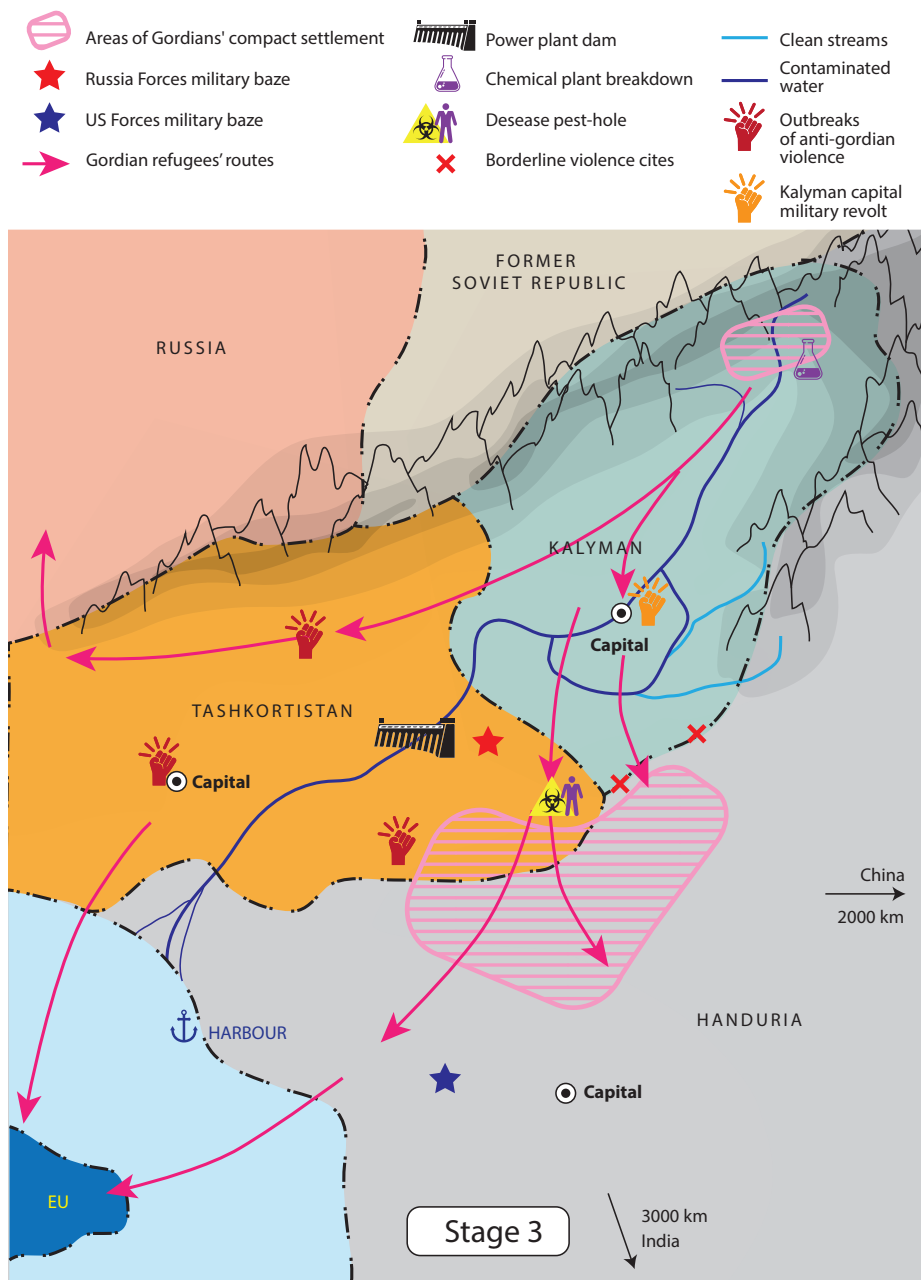
Этап III

- ЕБРР намерен заморозить финансирование проектов в Калимане до нормализации ситуации (*правда*)
- Китай намерен заморозить финансирование проектов в Ташкортистане до нормализации ситуации (*правда*)
- Китай намерен заморозить уже согласованные (и даже начатые) проекты в Андурии до нормализации ситуации (*частично верно — руководство КНР подумывает об этом, но решение не принято*)
- «Амарат» готовит подрыв плотины гидроузла в Ташкортистане (*правда — но реализовать идею так и не удалось, хотя определенные договоренности с гордями-радикалами в Ташкортистане достигнуты*)
- В случае обострения ситуации в Андурии Китай готовится ввести туда войска для защиты уже сделанных инвестиций и китайских гражданских лиц, а первые китайские ЧВК уже прибыли в Андурию (*fake*)

Приложение II. Географические карты

Приложение III. Общие характеристики дорожных карт

Условные обозначения:

Дипломатические	Дип
Безопасность	Безоп
Гуманитарные	Гум
Экономические	Эконом
Информационно-декларативные	Дек
Информационно-экспертные	Эксперт

Этап 1		
Команды	Классификация	Решения
Политическое руководство России (АП)	Дип-1 Дек-1	1. Россия призвала к срочному проведению встречи министров иностранных дел, обороны и ЧС четырёх стран (Андурия, Калиман, России и Ташкортистана) с возможностью в будущем привлечения к диалогу «бывшей союзной республики» и ЕАЭС.
	Гум-1 Эконом-1	2. Россия предлагает гуманитарную помощь всем трём вовлеченным в кризисную ситуацию государствам.
	Безоп-1 Дип-1 Дек-1	3. Россия призывает обеспечить гарантии безопасности и территориальной целостности всех трёх вовлеченных государств и не допустить усиления старых разногласий между ними.
	Эксперт-1 Дип-1	4. Проведение консультаций с постоянными членами СБ ООН.
	Безоп-1 Гум-1	5. Готовы использовать возможности российской военно-транспортной авиации и российской военной базы в Ташкортистане для доставки гуманитарной помощи в регион.
ЕАЭС	Дек-1 Экон-1 Гум-1	1. Евразийские институты выражают готовность инвестировать в инфраструктуру стран, затронутых кризисом.
	Дек-1 Дип-1	2. ЕАЭС предлагает создать платформу для переговоров между конфликтующими сторонами при участии лидеров стран ЕАЭС.
	Дек-1 Дип-1 Безоп-1	3. В случае конфронтации ЕАЭС готова обратиться за помощью в ОДКБ.
	Дек-1 Экон-1 Дип-1	4. ЕАЭС предлагает активизировать диалог по вопросам экономических отношений в регионе с участием ЕАЭС, Китая и ЕС.

Андурия	Безоп-1	1. Усилить военное присутствие на границе с Калиманом и Ташкортистаном.
	Дип-3 Гум-2 Эксп-2 Безоп-1 Экон-1	2. Призвать к трехсторонним переговорам (Андурия, Калиман, Ташкортистан) под эгидой ООН по темам: - Международная помощь Калиману - Перенос лагеря беженцев с территории Ташкортистана на территорию Калимана - Обсуждение проблемы радикальных исламистских группировок - Предложить ООН учредить специальную комиссию по расследованиям причин и последствий землетрясения.
Экспертно-политическая группа ООН	Декл-1 Дип-1	1. Мы призываем все стороны сложного кризиса к мирному решению.
	Декл-1 Гум-1	2. Мы фиксируем кризис с беженцами на границе Ташкортистана, Калимана и Андурии.
	Декл-1 Гум-1	3. Мы выражаем серьезную обеспокоенность по поводу высокого риска обрушения плотины.
	Эксперт-1 Дип-1	4. Мы призываем всех возможных участников потенциального экологического и экономического кризиса – в первую очередь, Андурию, Калиман и Ташкортистан – разработать план реагирования на чрезвычайные ситуации под эгидой ООН.
	Гум-1 Экон-1	5. План должен охватывать логистику, беженцев и экономические аспекты.
Этап 2		
Политическое руководство России (АП)	Дип-1	1. ОДКБ (Россия) и Андурия достигли соглашения о закрытии своих границ с Калиманом.
	Дип-1 Гум-3 Безоп-1 Эконом-2 Дек-3	2. Россия призывает к осуществлению совместных миссий в Калимане под эгидой ООН: гуманитарной (помощь населению на территориях, пострадавших от природной и техногенной катастроф; беженцам), безопасности (защита жилых зон, объектов экономики и лагерей беженцев) и инженерной (ликвидация последствий аварии на химическом заводе и загрязнения воды).
	Гум-1 Дип-1 Дек-1	3. Россия выступает за диалог по проблемам беженцев между ЕС и ЕАЭС.
ЕАЭС	Дип-1 Гум-1	1. ЕАЭС предлагает услуги медиатора в установлении системы квот использования водных ресурсов между Калиманом и Андурией.
	Дип-1 Гум-1	2. ЕАЭС предлагает содействие диалогу между государствами-членами ЕАЭС по вопросу перемещения беженцев в Союз.
	Дип-1 Эконом-1 Гум-1	3. ЕАЭС предлагает вести технический диалог с ЕС (создание фонда, который будет финансировать усилия, направленные на борьбу с социально-гуманитарной катастрофой).

ЕАЭС	Гум-1	4. ЕАЭС предлагает обеспечить гуманитарную помощь для строительства очистных сооружений; к участию в соответствующем фонде приглашаются все заинтересованные стороны.
Андурия	Гум-2 Дип-3	1. Гуманитарный кризис • Закрыть границы с Калиманом и Ташкортистаном • Запросить помощь Международного Комитета Красного Креста • Создать многосторонний консорциум – Россия, ЕС, ООН и прочие.
	Гум-4 Дип-4 Экон-4	2. Экологический кризис: • Предложить помощь Калиману в очистке речных вод; призвать международные организации помочь в этом вопросе. • Поднять вопрос о международной помощи Ташкортистану. • Запросить помощь ЕС для Андурии для разрешения вопроса с беженцами (квоты). • Призвать международное общество помочь Калиману в связи с аварией на комбинате.
Экспертно-политическая группа ООН	Гум-2	1. Проблема воды и соблюдения санитарных норм: многоакторная политика • Обеспечение чистой водой (ЕС, Россия, Китай). • Предотвращение эпидемии.
	Гум-1 Экон-1	2. Проблема беженцев: стратегия «Upstream» • Лагерь беженцев в Ташкортистане. • Финансирование ЕС и других заинтересованных сторон (Андурия).
	Безоп-1 Дек-1	3. Мы выражаем обеспокоенность гражданскими волнениями в Калимане и потенциальным риском волны терроризма.
	Эксперт-1 Гум-1	4. Разработка на платформе ООН плана по восстановлению Калимана.
Этап 3		
Политическое руководство России (АП)	Безоп-1	1. ОДКБ начинает контртеррористическую операцию в Таджикистане против погромщиков и террористов.
	Гум-1 Дип-1 Эконом-1	2. Россия в координации и сотрудничестве с ВОЗ увеличивает гуманитарную и медицинскую помощь лагерям беженцев в Ташкортистане.
	Дип-1	3. Диалог по национальному примирению в Калимане с участием России, ЕС и Андурии под эгидой ООН.
	Безоп-1	4. Укрепление миссии безопасности ООН в Калимане для разделения враждующих сторон (принуждение к миру).
	Гум-1 Дип-1	5. Беженцы идут в двух направлениях: в ЕС или домой (Калиман).
	Дек-1 Гум-1 Безоп-1	6. ОДКБ обеспечивает соблюдение прав гордийских беженцев.

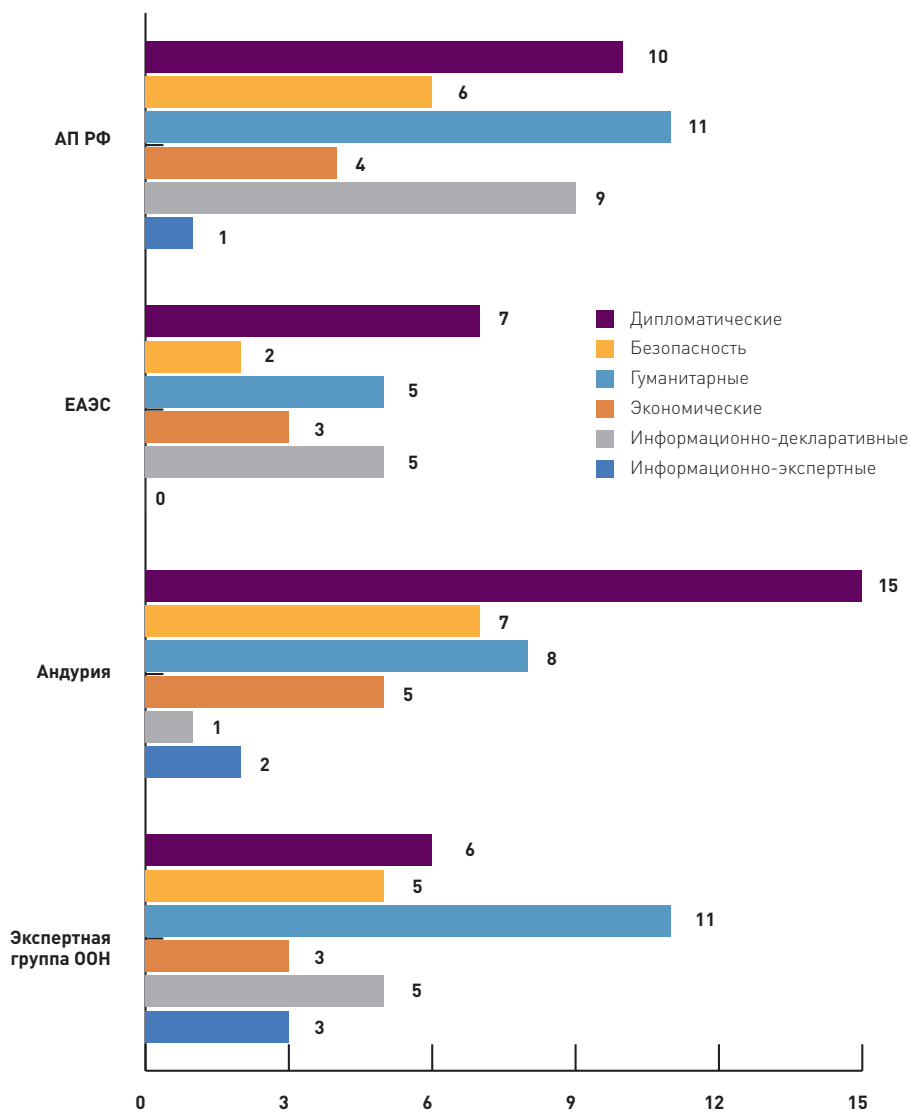
Политическое руководство России (АП)	Дип-1 Гум-1 Дек-1	7. ЕАЭС стремится к диалогу с ЕС по беженцам.
	Дек-1 Гум-1	8. Призыв к соблюдению прав гордийского населения в Андурии.
ЕАЭС	-	1. Продолжать текущую повестку.
	Безоп-1	2. Обратиться за помощью к ОДКБ.
	Декл-1 Дип-1	3. Призвать к мирному урегулированию конфликта всех вовлеченных в него сторон.
Андурия	Безоп-1 Дип-1	1. Обратиться в СБ ООН с просьбой принять резолюцию о вводе миротворческого контингента ООН в приграничный район на территории Андурии (идея принята без консультаций с ООН).
	Дип-1 Безоп-1	2. Провести переговоры с ЕС о безопасности на границе/о защите границ.
	Дип-1 Безоп-1	3. Убедить войска США разблокировать магистральное шоссе, предложив рабочий вариант обеспечения безопасности.
	Безоп-1	4. Ввести военное положение в приграничных районах (с Ташкортистаном и Калиманом), наделив вооруженные силы дополнительными полномочиями.
	Дип-1	5. Заключить секретную договоренность с националистическим движением большинства в Калимане как с наиболее перспективной политической силой.
	Декл-1 Безоп-1 Дип-1	6. Высказать угрозу перекрыть поставки воды в Калиман.
Экспертно-политическая группа ООН	Дек-1 Дип-2	1. Мы настоятельно призываем все стороны конфликта в Калимане и в Ташкортистане к мирному урегулированию и выражаем готовность содействовать мирному процессу.
	Дип-1	2. С целью остановить насилие в регионе мы созываем экстренное заседание Совета Безопасности ООН и принимаем резолюцию.
	Безоп-1 Дип-1	3. ООН предоставляет ОДКБ мандат нормализовать ситуацию в Ташкортистане и обеспечить безопасность стратегических объектов.
	Безоп-1	4. Предоставить экспертной группе по ликвидации экологической катастрофы на севере защиту миротворческих сил ООН.
	Безоп-2 Гум-3	5. Мы призываем правительство Андурии разместить на своей территории миротворческие силы для нормализации трансграничного кризиса с беженцами. 1 шаг: создать точки для регистрации беженцев. 2 шаг: обеспечить соблюдение санитарных норм. 3 шаг: обеспечить контроль на границах, где происходят вооруженные столкновения.

Экспертно-политическая группа ООН	Эконом-1 Гум-1 Эксперт-1	6. Мы призываем всех «доноров» (в первую очередь, ЕС и Китай) оказать немедленную финансовую и гуманитарную помощь. Приветствуется объединение усилий институтов развития для разработки «дорожной карты» реконструкции региона.
-----------------------------------	--------------------------------	--

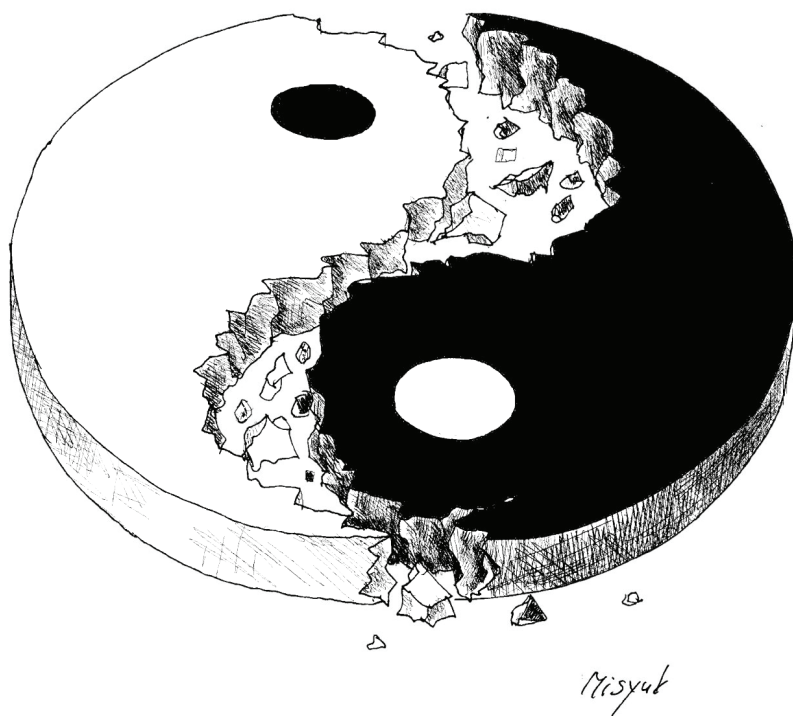
2. Сводная таблица (по этапам)

Команды/ Шаги	Дипломатические	Военные	Гуманитарные	Экономические	Информационно-декларативные (медийные)	Информационно-экспертные
АП	10	6	11	4	9	1
Этап 1	3	2	2	1	2	1
Этап 2	3	1	4	2	4	
Этап 3	4	3	5	1	3	
ЕАЭС	7	2	5	3	5	0
Этап 1	3	1	1	2	4	
Этап 2	3		4	1		
Этап 3	1	1			1	
Андурия	15	7	8	5	1	1
Этап 1	3	2	2	1		
Этап 2	7		6	4		
Этап 3	5	5			1	1
ООН	6	5	11	3	5	3
Этап 1	2		3	1	3	1
Этап 2		1	4	1	1	1
Этап 3	4	4	4	1	1	1
Команды/ Шаги	Дипломатические	Военные	Гуманитарные	Экономические	Информационно-декларативные (медийные)	Информационно-экспертные
Итого	38	20	35	15	20	6

Распределение предложенных мер по командам

Евразия после пандемии

На пороге новых испытаний

Александр Высоцкий

Член Совета по внешней и оборонной политике

Как и в прошлом году, сценарий тренинг-игры удивительно точно предсказал события ближайшего будущего. Человечество столкнулось с вызовом пусть не экологического (на экологию коронавирус влияет, видимо, даже хорошо), но природного характера, который застал всех врасплох и потребовал в том числе новых навыков госуправления.

Тренинг-игра показала довольно высокую вероятность добровольного межгосударственного взаимодействия по проблеме, носящей объективный характер и оказывающей негативное воздействие на всех участников.

В случае с коронавирусом многие критикуют государства за эгоистичность. При этом более показательными, как представляется, станут усилия по восстановлению мировой экономики. От того, по какому пути они пойдут, будет зависеть образ поствирусного экономического устройства. До сегодняшнего дня национальные правительства в целом демонстрируют готовность к сотрудничеству (формат G20, сделка ОПЕК+), однако она может разбиться о быстро обостряющуюся конфронтацию США и КНР, которой коронавирус придал дополнительный импульс.

В целом американско-китайское противостояние всё больше напоминает советско-американскую «игру с нулевой суммой» – как минимум в исполнении Вашингтона. Каждое «лыко» становится «в строку», всё используется в качестве «топлива» для конфликта и обоснования новых мер против КНР. Даже интересно, когда и при каких обстоятельствах возникнет хоть какой-то сюжет, по которому Соединённые Штаты и Китай выступят со схожих позиций (как в своё время СССР и США по Суэцкому кризису).

Как и техногенную катастрофу, описанную в тренинг-игре, коронавирус, по всей видимости, невозможно победить быстро, какие бы усилия для этого ни прилагались. С высокой вероятностью нас ожидают вторая и третья волны эпидемии, оказывающие дальнейшее влияние на экономику, стиль жизни, устойчивость государств. Кажется маловероятным, что все страны и режимы в них, а также

межгосударственные объединения смогут выстоять в условиях подобного «идеального шторма».

В этом контексте звучащие в том числе и в русскоязычном пространстве призывы к раздаче максимального количества денег уже в ходе первой волны эпидемии и карантина могут оказаться недальновидными – вполне вероятно, что резервы понадобятся ещё не раз и во всё возрастающих объёмах. А те, у кого их нет, окажутся перед необходимостью влезать во внешние долги – со всеми вытекающими из этого политическими последствиями.

А что же корпоративный сектор? Невозможно представить, чтобы катаклизм такого масштаба не привёл к многочисленным банкротствам. Понятно, что для системообразующих предприятий государства предусмотрят меры поддержки – опять же, либо за счёт резервов, либо за счёт заимствований. Но на всех никогда не хватает. Банкротства и рост безработицы имеют все шансы стать решающими социальными факторами, влияющими на судьбы государств и их правительств.

Можно ожидать и дальнейшей реанимации как крайне левых, так и крайне правых идей и соответствующих политических сил. Пока непонятно, кто конкретно мог бы взять на себя ведущие роли в этих процессах, однако исторические примеры показывают, что желаемые точно найдутся.

Эпидемия точно попала ещё в одну тенденцию последних лет – поступательный отказ от свободы передвижения и миграции. Реакция большинства стран ЕС на миграционный кризис и строительство стены на границе Соединённых Штатов и Мексики ранее уже продемонстрировали «направление мысли». Теперь у этой тенденции появляются серьёзные основания для дальнейшего развития, на этот раз не с неприглядным (до сей поры) националистическим, а с вполне гуманистическим пафосом («не дадим болезни распространиться, сбережём людей»).

Коронавирус изъясил из информационной повестки не одну важную тему, среди которых не только Сирия и Украина, но и тот же Брекзит. А ведь все эти проблемы никуда не делись. Отсутствие свободного перемещения (да и вообще какого-либо перемещения за пределы своих муниципалитетов) льёт воду на мельницу тех, кто не считает Шенгенскую зону или Соединённое Королевство оптимальным и/или современным устройством с точки зрения как человеческой, так и торговой логистики.

Конечно, хочется надеяться, что человечество сумеет избежать второй и третьей волн эпидемии. Что будут изобретены и затем массово внедрены соответствующие лекарства и вакцины. В таком случае экономические последствия коронакризиса будут менее масштабными, а восстановление экономики получит шанс пойти по V, а не по L-траектории. Но и в данном случае большинство описанных выше сюжетов, по всей видимости, сохраняют свою актуальность, пусть и в более мягкой форме.

Для нашей страны неопределённость будущего её политической системы становится в этом контексте не самым благоприятным фактором. Текущие обстоятельства не позволяют власти делать резких движений. Да и вообще не способствуют глубинным политическим инициативам – с экономикой бы совладать. Но не хотелось бы – с нашим опытом – чтобы эти инициативы кто-нибудь вдруг перехватил.

Будущее Евразии: континент мира или новой биполярности?

Дмитрий Разумовский

*Директор Института Латинской Америки
Российской академии наук*

Будущее евразийского континента, весьма вероятно, состоит в том, чтобы стать ареной нового противостояния двух сформировавшихся полюсов нового мирового порядка – Китая и США. Стремление свести любой сверхсложный процесс к некой дихотомии, бинарной конструкции, видимо, заложено в человеческую природу, даже несмотря на упорное сопротивление подобному очевидному упрощению. Мечты об истинной многополярности или полицентричности всё больше уступают место рассуждениям о новой биполярности.

Очевидно, что сам характер новой борьбы полюсов будет мало похож на то, что мы видели во времена холодной войны. Если СССР и США вели себя как классические конкурирующие империи с чёткими географически очерченными зонами интересов и экспансионистскими стремлениями, то китайцы сознательно избегают таких

ассоциаций, подчёркивая своё миролюбие, нежелание играть против кого-то. Восприятие Китая окружающей действительности, где он является единственным центром, продвигающим идеи «единой судьбы», с биполярностью плохо сочетается, но это не означает, что он не окажется втянут в эту логику. Американская администрация же, напротив, демонстрирует чудеса пассионарности и готовность агрессивно играть на обострение.

Новая биполярность будет развиваться в условиях гораздо более сложной многоуровневой системы новых и старых центров, по сравнению с тем, что было в XX веке. Значительно усилившие свой вес развивающиеся державы (Индия, Турция, Иран, Бразилия и другие) будут стремиться не «разбиваться по лагерям», а гибко маневрировать для достижения своих целей, создавая различные конфигурации временных или относительно постоянных альянсов.

Формам нового соперничества предстоит множиться, не ограничиваясь лишь экономикой и торговлей. Уже сегодня мы видим, что отказ США от соглашений по контролю над вооружениями с Россией мотивируется в том числе растущим ядерным потенциалом Китая, не поддающимся под современные ограничения. А глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, обнажил то глубинное раздражение, вызываемое восточным гигантом, которое присутствует в умах элит не только США и их ключевых союзников, но и ряда развивающихся стран, например, Бразилии. Поэтому недавнее майское совместное заявление пяти разведок ведущих англосаксонских стран (США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Канады) о вине Китая в распространении коронавируса может служить свидетельством того, что пятёрка консолидируется как ядро нового противостояния с Поднебесной. Тот факт, что в Китае прогнозируется (по оценкам на конец апреля) слабый, но всё же положительный экономический рост при рекордном обвале большинства развитых и развивающихся экономик, может стать триггером для новых волн торговых войн и требований экономических уступок. Косвенно это уже подтвердил Дональд Трамп, обвинивший Пекин в невыполнении условий торговой сделки и пообещавший за это пакет санкций.

Сейчас сложно представить точную конфигурацию лагерей союзников каждого из этих двух полюсов. Далеко не очевидно, что все европейские страны в полном составе солидарно займут проамериканскую позицию в будущем противостоянии, как это было во времена первой биполярности. ЕС, теперь без Британии, уже неоднократно высказывал недовольство действиями Соединённых Шта-

тов, и в целом не имеет ресурсов, да и энергии, чтобы ввязываться в «холодную войну 2.0».

Ареной новой битвы станет не только АТР, но и, без преувеличения, весь мир. США стремятся вытеснить Китай из Латинской Америки, крайне нервно реагируют на его укоренение в Африке. Стоит вспомнить, как болезненно воспринимали американские политические круги объявленную Пекином инициативу «Пояс и путь», которая подрывала американские планы создания подконтрольного им транспортного транзитного коридора «Афганистан – Пакистан».

Ключевой вопрос и вызов для России – сможем ли мы оставаться в стороне в этом конфликте, получая выгоды от игры на противоречиях, или нам должно занять какую-либо из сторон? На наш взгляд, Москве стоит выбрать первый путь, хотя многое будет зависеть от характера и форм противостояния. Фактор российской военной мощи не будет столь существенным при выборе варианта поведения, так как основным полем боя (по крайней мере, вначале) станет экономика и торговля. Несмотря на официальные внешнеполитические приоритеты нашей страны, многовекторность политики и стратегический характер отношений с великим соседом, не стоит воспринимать это как свидетельство автоматического «равнения на Пекин». В недавней истории отношений была масса свидетельств того, что нашей стране отводится роль «младшего брата». Торг по цене на газ, сложности в переговорах по сопряжению ЕАЭС и Шёлкового пути, нежелание идти навстречу в вопросе сопротивления санкционному давлению (китайские компании первыми выходят из сделок под предлогом рисков вторичных санкций) – всё это говорит против стратегического альянса с Китаем в случае обострения противостояния. Да и нельзя не признать, что «ментальные страхи» русских о китайской угрозе получили в последние годы новую подпитку. В то же время стать полноценным противовесом, фактором сдерживания Поднебесной Россия не сможет, поэтому попытка разыграть эту карту при возможном торге с Западом в обмен на своё возвращение в качестве его полноправного члена имеет мало шансов на успех.

Китай, несмотря на его мощнейшую гравитационную силу, не обладает поясом союзников (за исключением лишь Северной Кореи) и вряд ли сможет сформировать его в ближайшие десятилетия. Покупка элит в Центральной Азии не означает их автоматического прокитайского позиционирования в случае противостояния. Необходимо вспомнить и о факторе Индии, которая будет балансировать

между желанием сохранить нейтралитет и сильными антикитайскими настроениями в обществе и элитах. Формирование подобного «пояса неопределившихся» даёт России шансы нащупать возможности выгодного маневрирования в сложившейся ситуации, заключая гибкие тактические альянсы.

Сама Россия, давно чувствуя, что остаётся в стороне от новой назревающей оси конфликта, пытается «терминологически» осмыслить себя, примеряя в разное время то концепт «энергетической сверхдержавы», то «суверенной демократии» (последнее явно уровнем ниже). Касательно первого наши мечты были жёстко пресечены сланцевой революцией, а потом и упомянутой газовой сделкой с Китаем. Концепция «суверенной демократии» от изначального замысла Владислава Суркова мигрировала, скорее, в сторону отстаивания субъектности, способности действовать независимо. Недаром в российском государственном медиапространстве способность иностранных лидеров действовать вопреки указам США стала преподноситься чуть ли не как главная добродетель. Это уже ближе к понятию центра, но не полюса. Подобная динамика внутрироссийского дискурса может свидетельствовать о разочаровании в надежде стать полноценным полюсом мировой политики, способным решать глобальные стратегические вопросы. Ужимание оценки собственной роли и значимости привело к тому, что тактика стала преобладать над стратегией. Способность постулировать стратегические цели опирается на наличие ресурсов и, главное, некоего послания всему миру: так действует Китай, языком инициатив часто разговаривает Вашингтон. Россия сегодня, так и не сформулировав свою внутреннюю национальную идею, не способна предложить её и миру, по крайней мере, в той универсальной форме, чтобы она была понятой другим странам.

Отсутствие чётких стратегических меседжей не является чем-то страшным, Россия уже переживала периоды сосредоточения и сокращения амбиций, что помогало аккумулировать силы и лучше осознать свои интересы. Нам не стоит спешить с отнесением себя к тому или иному полюсу новой конфронтации. Показательно, что во внутрироссийских дискуссиях о возможном противостоянии Китая и США нет преобладающей позиции, кто нам ближе и стоит ли с кем-то ассоциироваться. Российское руководство, на наш взгляд, демонстрирует, что способно гораздо лучше действовать тактически, чем стратегически, а для первого сейчас наступает самое подходящее время. И есть успешные примеры таких ситуационных альянсов.

Например, союзы с Ираном по Сирии, с Саудовской Аравией по нефтяной сделке 2016 г. – это примеры выгодных, эффективных тактических союзов, не претендующих на перерастание в стратегические.

Участвуя в новых тактических союзах с «неприсоединившимися» державами, а также играя на противоречиях Вашингтона и Пекина, Россия даст себе больше возможностей решить важнейшие для неё задачи: укрепить контроль над постсоветским пространством, возобновить полноправное участие в глобальных производственных и технологических цепочках, вернуться на глобальные рынки и перезапустить экономический рост, сохранить статус важного мирового игрока, пусть и с меньшими, чем ранее, амбициями.

(Не)делимость опасностей для Большой Евразии

Александр Коньков

Кандидат политических наук, директор Международного аналитического центра «Rethinking Russia», доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

На рубеже первого и второго десятилетий нынешнего века Россия в диалоге с Западом активно продвигала инициативу о закреплении в международном праве принципа неделимости безопасности. Речь шла о том, чтобы создать юридически обязывающие механизмы недопущения того, чтобы какое-либо государство или международная организация укрепляла собственную безопасность за счёт безопасности других. В частности такие предложения содержались в проекте разработанного тогда в России договора о европейской безопасности.

Продвижение инициативы по заключению такого соглашения контрастировало с общей прагматичной, жёстко реалистичной моделью российской внешней политики, которая успела сложиться к середине 2000-х годов. Она была ясно артикулирована в Мюнхенской речи Владимира Путина и уверенно апробирована в ходе авгу-

стовской войны в Южной Осетии 2008 года. С одной стороны, потребность в новых глобальных правилах игры уже чётко осознавалась и требовала поиска соответствующих формулировок. С другой, сама возможность даже не подписания кем-либо в Европе документа, составленного в Москве, а хотя бы серьёзной и деятельной готовности к диалогу по этому вопросу, вызывала глубокие сомнения. И большинство европейских стран, которым Россия представляла проект, не понимали, чего от них хотят. Да и сама Россия, как могло показаться, лишь упражнялась в осваивании новых для себя навыков по установлению повестки и «смягчению» силы.

Сам постулируемый концепт – неделимость безопасности, – несмотря на аллюзии к идее советского наркома иностранных дел Максима Литвинова о «неделимости мира» и декларативное закрепление в отдельных документах, носил излишне умозрительный характер и не предлагал зримых образов для должного восприятия ни среди политиков, ни среди наблюдателей. Не то чтобы кто-то сомневался в том, как здорово было бы, если бы безопасность стала общей ценностью для всех и её перестали делить между собой... Просто разделительные линии настолько глубоко въелись и контрастно отстроились всеми остальными противоречиями, что единовременное избавление от них не воспринимается сознанием. Никто никогда не видел неделимой безопасности, а потому и не имел оснований в неё верить.

Сегодня, по прошествии бурного по своей гибридности десятилетия, когда мир в условиях борьбы с коронавирусной инфекцией фактически перезагружает систему координат в вопросах оценки глобальных вызовов и угроз, дискурс неделимости безопасности мог бы быть более востребованным. Кризис, порождённый возникновением и быстрым распространением вируса *COVID-19*, обнажил множество болевых точек в жизни человека и общества XXI века, но жёстче всего поставил вопрос именно о неразделённости безопасности в своём самом утилитарном значении – как общей потребности обрести состояние физической защищённости без разного рода оговорок и примечаний.

Эта потребность характерна для любого человека, где бы он ни жил и каких бы политических взглядов ни придерживался. И эта потребность оказалась никем не обеспечена, несмотря на наличие обширной сетевой (солидарной?) инфраструктуры институтов безопасности, которые привыкли поглощать ключевые ресурсы и опираться на новейшие достижения прогресса.

Никакие арсеналы, дивизии или даже системы противоракетной обороны не способны сдержать угрозу, которая последовательно с самого начала 2020 г. охватывала Восток, Запад, Юг и Север. Никакие союзы или блоки не смогли облегчить своим членам участь физической борьбы с вирусом один на один. Неделимая опасность рассыпала системы коллективной безопасности, как карточный домик, вновь разделив их на национальные квартиры, в каждой из которых велась своя борьба. Ответом на неделимую опасность могла бы стать как раз неделимая безопасность как подлинное общественное благо, устройством которого прежде не приходилось заниматься.

Угрозы природного характера, обусловленные развитием биологических, географических, астрономических процессов, далеко не новы – они случаются в мире с завидной регулярностью. Масштабность весьма различна как по объёму воздействия, так и по последствиям, которые приходится ликвидировать. Однако вот парадокс: природные явления, представляющие опасность, не провоцируют у человечества страхов, которые возникают в результате рукотворных кризисов и заставляют судорожно искать инструменты совершенствования безопасности.

Испанский грипп столетие назад по количеству жертв был сопоставим с современной ему Первой мировой войной, однако он не запечатлелся так же в исторической памяти. Возможно, потому что природные угрозы – как раз истинные «чёрные лебеди», с которыми удаётся бороться лишь по факту встречи. Может, и бороться-то не надо: у естественных кризисов всегда есть естественные же способы завершения (вся Вселенная, согласно одной из теорий, – последствие естественного «большого взрыва»), а потому не всегда имеет смысл им мешать.

Всеобщая устремлённость обезопасить себя именно от вызовов, обусловленных «человеческим фактором», вероятно, вызвана тем, что само понятие безопасности после стольких лет использования всеу настолько замылилось, что оказалось «приватизированным» акторами политического свойства. А их система сугубо двоична: воевать или мириться? Ни то, ни другое для стихии не работает. А потому мир нуждается не просто в совершенствовании технологий защиты, но и в качественной трансформации самой парадигмы безопасности.

Как демонстрирует опыт преодоления переживаемого кризиса, традиционные глобальные институты не смогли предложить ника-

кой наднациональной модели противодействия COVID-19 – за исключением, возможно, Всемирной организации здравоохранения, роль которой всё равно носила консультативно-вторичный характер (что не помешало ей, правда, получить нарекания со стороны США).

Ключевая ответственность по спасению людей и экономик, ложасьшаяся на плечи национальных государств в периоды испытаний природой (землетрясения, пожары, наводнения, эпидемии), каждый раз – пусть ненадолго – реанимирует авторитет суверенного статуса. Вместе с тем ни старые проблемы никуда не деваются, ни новых задач по посткризисному восстановлению избежать не удаётся, а потому приходится продолжать лавировать в многообразии международных договорённостей и партнёрств. В этих условиях лишь возникающие международные институты получают своего рода фору – учиться на чужих ошибках.

Если традиционные структуры, фрагментирующие интеграционную ценность, оказываются в текущих условиях на вторых ролях, новые центростремительные инициативы, остающиеся в поиске, могли бы брать за основу именно такие целевые обязательства, которые пока в дефиците у имеющихся объединений. Если Запад хватается за спасительную соломинку сохранить лицо по итогам явного фиаско в противодействии эпидемии, канализируя обвинения в адрес Востока, где вирус изначально возник, то для Большой Евразии, находящейся в поисках субъектности, открываются ниши для редактирования своего перспективного мандата.

Преодоление подлинно актуальных вызовов могло бы содействовать формированию альтернативного видения безопасности в современных условиях, базирующегося отнюдь не на идеологических нарративах, а на описании реальных рисков нарушения привычного хода социальной жизни на континенте. Безопасность не должна становиться объектом конкуренции, тогда и без укрепления за счёт неё своей конкурентоспособности можно будет попытаться обойтись.

Кризис с человеческим лицом?

Анастасия Погорельская

*Доцент кафедры мировой политики Национального
исследовательского Томского государственного университета*

Мировые и региональные кризисы последних десятилетий показали, что на международной арене отсутствует система предупреждения и разрешения кризисов. Разработка некой универсальной антикризисной системы в современном турбулентном мире, конечно, несколько утопична. В кризисной обстановке необходимо ориентироваться на конкретную ситуацию, на причины и последствия кризиса для определённого региона/отрасли/ государства. Кроме того, немаловажно учитывать психологический фактор, особенности менталитета, поведения и тому подобное. Видя изнутри, как сегодня в условиях массового перехода на дистанционное обучение трансформируется система высшего образования, невольно начинаешь подмечать, как много психологических, ментальных, социальных особенностей преподавателей, студентов, родителей надо учесть, принимая те или иные меры. И, как обычно бывает, оказывается, что шаблоны, навязываемые сверху, какими бы подробными и передовыми они ни были, зачастую неприменимы. В экстремальных условиях довольно быстро становится понятно, что не все люди готовы работать и жить по утверждённым шаблонам, поскольку последние или не вполне понятны, или не вызывают доверия, или даже порождают враждебность.

Помощь в период кризиса может быть оказана только тем, кто её просит. Перефразируя известную поговорку, насильно не можешь. Переводя этот тезис в международную плоскость, нужно помнить, что основными акторами, как бы ни менялся международный ландшафт, остаются национальные государства. Кризисы нам постоянно об этом напоминают. Именно государство считает себя вправе и обязанным защитить конкретных граждан — тех, у кого официально есть его гражданство, — где бы они ни находились.

Для многих международных организаций попытка оказать помощь всему человечеству зачастую оборачивается расплывчатостью формулировок и медлительностью действий. В том числе и потому, что помочь государству, пусть даже в период кризиса, можно только с его (государства) разрешения. Да и вкладываться

в спасение всего человечества государство заставить тоже никто, кроме него самого, не может. И решение американской администрации прекратить взносы в пользу ВОЗ, и решение китайского руководства внести дополнительный вклад в фонд этой организации для борьбы с пандемией были государственными решениями, которые, по сути, никто оспорить не в состоянии. Однако эти сугубо политические решения могут привести ко вполне конкретным человеческим жертвам. Хотя случай с пандемией гораздо опаснее с точки зрения неминуемых жертв, в любом кризисе — экономическом, экологическом, военном — последним звеном, оказывающимся под непосредственным ударом, является человек.

Три опоры антикризисных решений: институты, технологии и люди

Кризис 2008 г. и текущая пандемия преподали урок, из которого можно извлечь несколько выводов. В частности выяснилось, что для системной антикризисной деятельности необходимы соответствующие институты. Мировой экономический кризис показал на примере Евросоюза, что специальных антикризисных форматов работы, органов и фондов фактически нет. Это объяснимо, поскольку развитие и углубление региональной экономической интеграции (европейской в том числе) приходилось на периоды экономического подъёма, в то время как в критические моменты на первый план вновь выходили государства и их национальные интересы, а интеграция замедлялась. Так, например, было в 1970-е гг. в период нефтяного кризиса. И хотя в подобные времена государства склонны замыкаться в себе и тормозить интеграцию, кризис может затем поспособствовать её углублению, если по его итогам будет сделан вывод о необходимости структурной перестройки интеграционного объединения, как было в европейском случае.

Однако если ранее Европейское экономическое сообщество не претендовало на статус политического объединения, то сейчас Евросоюз находится на другой стадии интеграции и потому не может полностью отдать антикризисную деятельность на откуп государствам-членам. После того, как Брекзит создал прецедент выхода, промедление со стороны наднациональных органов подобно смерти европейского проекта, поэтому они довольно быстро вышли из ступора и начали действовать, желая исправить урон, нанесённый их имиджу. В том числе путём запоздавших извинений в адрес

Италии, больше остальных европейских государств пострадавшей от распространения новой инфекции.

Что касается институционального оформления антикризисных действий, то Евросоюз ещё в период и сразу после мирового кризиса, повлекшего за собой фактический дефолт нескольких государств-членов, стал создавать сложную систему механизмов мониторинга и предотвращения кризисных явлений в экономике. Однако они не были доведены до конца, а разобраться в них сложно даже специалистам. Как известно, чем сложнее система, тем быстрее она даёт сбой в нестандартных условиях. Поэтому, учитывая прошлый европейский опыт, можно сказать, что система антикризисного управления должна быть максимально понятной и простой в эксплуатации, иначе она не сможет оперативно решать поставленные задачи.

Наверное, опыт создания оперативных штабов или подобных им координационных структур, которые появились во многих странах, представляет собой наиболее простой и пока относительно эффективный способ институционального оформления антикризисной деятельности. Их оперативность и эффективность тем выше, чем шире компетенции в период кризиса. Другое дело, что, однажды получив широчайшие полномочия, любой институт за них цепляется, пытается оправдать своё существование, и потому неохотно отказывается от власти.

К сожалению, попытки превратить международные организации в оперативные штабы пока не увенчались успехом. Как видно на примерах украинского или сирийского кризисов, острые проблемы пытаются решать в ручном режиме узким кругом заинтересованных сторон, а не в рамках устоявшихся площадок. Возможная причина кроется в медлительности международных институтов из-за сложности процедур, в недоверии к организациям и в отсутствии широких антикризисных полномочий. И сегодня мало кто готов заниматься исправлением системных недочётов в их работе.

В условиях кризиса принимать решения надо предельно оперативно. Поэтому вряд ли, говоря о создании системы антикризисного реагирования, стоит обсуждать учреждение новых организаций или объединений. Необходимо думать над изменением самого формата работы и принятия решений в условиях кризиса, которые должны отличаться от текущего взаимодействия в рамках сложившихся структур. Наверное, это должен быть формат много-

сторонних непосредственных консультаций с участием представителей профильных ведомств и экспертов, устраивающих мозговые штурмы в поисках решений конкретных проблем и формулирующих рекомендации для всех уровней власти, но в первую очередь – для национальных государств.

Другой вывод, который мы можем извлечь из недавних глобальных потрясений, касается важности роли технологий в условиях противодействия кризисам. Невозможно переоценить их значимость в борьбе со стихией и эпидемиями. Во время пандемии и самоизоляции возможности для общения, работы и досуга оказались в прямой зависимости от бесперебойного доступа в интернет, работы приложений и понятности их интерфейсов. Скорость обмена информацией и обусловленная ей оперативность принятия решений во многом определяется технической и технологической оболочкой антикризисного реагирования.

Тем не менее нельзя не заметить перегибы в том, сколько об антикризисных технологических решениях говорят в СМИ. Многих людей постоянное напоминание о вездесущих технологиях, в том числе контролирующих, например, перемещения, раздражает и наводит на мысли о небезопасной сохранности личных данных. В этой связи технологическая оболочка антикризисных решений должна быть проработана, стать менее демонстративной и более адаптированной к психологическим особенностям людей.

Наконец, в экстремальных ситуациях в первую очередь страдают конкретные люди. И потому управленческое, технологическое или иное антикризисное решение должно учитывать человеческий фактор. Зачастую тактически и даже стратегически вроде бы правильные решения, основанные на проверенных шаблонах, начинают трещать по швам из-за человеческой безответственности, глупости или алчности. В своё время международные программы структурной перестройки экономик наименее развитых стран, теоретически правильные, но не учитывающие менталитет местных элит, оказывались по большей части неэффективными. Направляемые средства разрывались в верхних эшелонах власти, не доходя до места назначения. Недавние меры по самоизоляции, введённые в некоторых странах, оказались эффективны, поскольку строго соблюдались. Но на начальной стадии распространения вируса нежелание жителей некоторых южноевропейских стран, например, Италии и Испании, соблюдать социальную дистанцию оказалось для многих фатальным. И дело, наверное, не в том, что

решение было плохим (так действовали испокон веков при борьбе с эпидемиями), а в том, что менталитет и привычки людей надо было учитывать с самого начала антикризисного реагирования.

Уроки кризисов для будущего Евразии

Можно извлечь следующие уроки для создания системы антикризисного реагирования в Евразии.

Во-первых, из существующих международных организаций в Евразии ни одна, за исключением ОДКБ, не нацелена на борьбу с кризисами. Более того, ни в одной из них нет достаточно сильного – как с точки зрения наличия компетенций, так и соответствующего авторитета – органа, который мог бы взять на себя ответственность за оперативное принятие решений и тем более за развёртывание деятельности на местах, погружённых в кризисную ситуацию. В связи с этим основным актором, способным и желающим принимать антикризисные решения в Евразии, остаётся государство. Как показывает опыт международного сотрудничества по наиболее чувствительным для государственного суверенитета вопросам, там, где наднациональные органы и международные организации не могут гарантировать достижение оперативных договорённостей, проще работать и договариваться в формате многосторонних консультаций. На них могут присутствовать и независимые стороны в лице экспертов, негосударственных организаций, имеющих доступ к людям, заинтересованным в решении конкретных проблем и знающим подходящие для этого механизмы.

Во-вторых, с технической и технологической оболочкой антикризисной деятельности в Евразии дело пока обстоит неважно. Многие государства испытывают трудности даже в том, чтобы организовать всем гражданам устойчивый доступ в Интернет. Так, по данным Международного телекоммуникационного союза, количество домохозяйств с доступом в Интернет в Пакистане, например, было близко к 22% в 2016 г., в Молдове — к 17% в 2018 году. Поэтому вряд ли все государства Евразии смогут позволить себе использование дронов или систем QR-пропусков в условиях кризисов.

В целом, как показывает разрыв в уровне развития между странами глобального Севера и Юга, отсутствие современных технологий может надолго, возможно, навсегда оставить то или иное

государство в когорте наименее развитых. А востребованность технических и технологических решений в условиях кризиса резко повышается, поскольку человеческие ресурсы, которые можно бросить на решение проблемы, всегда ограничены.

Важны не только формальное оснащение техникой и доступ к технологиям, но и умение их использовать. К сожалению, в Большой Евразии (и на постсоветском пространстве в частности) нет гарантий, что технологические решения, принятые в кризисных ситуациях, не нанесут людям ущерба в дальнейшем – например, из-за утечки их личных данных куда-то вовне.

В-третьих, при принятии любых антикризисных решений необходимо учитывать человеческий фактор, в том числе просчитывать возможную реакцию общества на принимаемые меры. Непросто донести до людей, что запреты, которые могут казаться ущемляющими их свободу (или действительно являются таковыми), оправданны. Поэтому стоит не только ситуативно изучать общественное мнение, но и постоянно работать с ним. Даже в условиях военных действий, природных катастроф и эпидемий человеческая реакция может быть предсказуема, если её заранее изучить и смоделировать.

Во многих странах постсоветского пространства (хотя и во всей Большой Евразии тоже) недостаточно внимания уделяется работе с общественным мнением. Но даже элементарные знания о менталитете и образе жизни на стадии принятия решений или адаптации международных рекомендаций и шаблонов могут оказаться бесценными. Поэтому уже сегодня нужно налаживать систематическое и комплексное изучение стран региона, чего в России, например, нет. Конечно, аналитические работы подобного рода имеются в распоряжении профильных министерств почти всех государств, но вопрос их качества, актуальности и привлечения к их выполнению экспертов остаётся открытым.

Особенности менталитета важно учитывать и при выборе формата и площадки работы по разрешению кризисов. Так, в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) преобладает восточная ментальность, предполагающая широкие полномочия центральных органов власти. В связи с этим ЕАЭС не подходит для противодействия кризисам, ведь у его наднациональных органов никогда не было и, скорее всего, не будет достаточного веса не только для антикризисного реагирования, но и для разрешения многих противоречий между государствами-членами. Этот формат подходит для

систематической работы в сферах взаимного интереса государств-членов, и не стоит его переоценивать.

Кризисы последних лет поставили на повестку дня вопрос создания правил оперативного антикризисного реагирования. Вряд ли возможно и стоит создавать универсальную систему, которая на постоянной основе будет готовиться к кризисам. Предсказать их наступление очень трудно, как и выработать конкретные, но при этом универсальные решения. Поэтому стоит задуматься о разработке в рамках существующих структур правил создания координационных групп, которые будут уполномочены действовать в условиях кризисов. При этом надобности в их ежедневной работе нет, но стоит предусмотреть, например, учения, в ходе которых будут разрабатываться сценарии реагирования на разные виды кризисов. Говоря о постсоветском пространстве, для отработки подобного механизма работы координационных групп и учений, наверно, более всего подходит платформа ОДКБ, чьи цели и форматы работы вполне согласуются с таким подходом к антикризисному реагированию.

«Корона Евразии» – что показал кризис?

Мирас Жиенбаев

Приглашённый исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Казахстан)

«Идеальный шторм», смоделированный в рамках тренинг-игры, по сути, разворачивается на евразийском пространстве уже сейчас. Парадоксально, но пандемия коронавируса, практически не создавая новых проблем, критически обостряет те, что уже существуют в Евразии: от неадекватности национальных систем здравоохранения и неспособности отдельных государств к мобилизации своих ресурсов до критического подчёркивания вакуума межгосударственного и международного взаимодействия в кризисных ситуациях, что существует уже продолжительное время. Ситуация

многомерного кризиса, разворачивающегося по всему миру, оказывает влияние как на национальные государства и региональные интеграционные объединения, так и на систему международного взаимодействия в целом.

Откат к национальным государствам, столь восторженно описываемый рядом экспертов, в действительности актуален лишь для небольшого числа случаев и связан скорее с проявлением национального эгоизма, чем с реальным «возрождением» национальных государств как таковых. Очевидно желание вести в той или иной мере обособленную антикризисную политику, но реальные возможности зависят от накопленной мощи и потенциала государства, прежде всего, экономического, что очевидно как в отдельных наиболее развитых государствах ЕС, вроде Германии и Франции, так и в ведущих экономиках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – в России и Казахстане. Последний, стоит отметить, входит в разворачивающийся кризис с феноменальным запасом прочности, а главное – с политической волей руководства страны по предотвращению последствий пандемии, широким спектром применяемых мер по борьбе с распространением инфекции и колоссальной по объёму и охвату поддержке бизнеса и населения. От прочих государств-членов ЕАЭС Казахстан в значительной мере отличается комплексностью мероприятий, многие из которых были введены превентивно. Приоритеты внешней политики страны не менялись, как и стремление к прагматичности и многовекторности.

Наиболее развитые члены интеграционных объединений неизбежно сконцентрируются на собственных антикризисных мерах или на достижении своих внешнеполитических интересов, используя гуманитарную помощь как один из наиболее эффективных в данный период инструментов. Это лишь ещё ошутимее подтвердит приоритет национальных интересов над союзными, подчеркнёт национальный эгоизм. В том или ином виде так было всегда, пандемия коронавируса лишь подтверждает данную «нормальность». И это положение вещей сохранится, пока страны не восстановят устойчивый рост национальных экономик хотя бы до значений допандемического периода. Менее значительные по своей экономической мощи члены интеграционных объединений будут всё активнее выступать за возвращение к статус-кво до пандемии.

В контексте ЕАЭС это будет означать увеличение числа внутренних барьеров для наибольшего благоприятствования национальным производителям, а правительства всех стран сконцентрируются на

отраслях экономики, способных обеспечить устойчивый рост. Значимость внутреннего рынка Союза для его государств-членов будет неоднородна и неоднозначна, прежде всего, ввиду асимметричности характера и глубины осуществляемых каждым государством-членом антикризисных мер. Это окажет серьёзное воздействие на интеграционные процессы и формирование единых рынков. Велика вероятность того, что незначительная доля внутренней торговли между государствами – членами ЕАЭС в структуре внешней торговли каждого из них, неизменная в относительном её выражении в прежних условиях, в контексте пандемии начнёт сокращаться. По крайней мере, пока международное сообщество в целом и ведущие экономики ЕАЭС в частности не преодолеют экономические последствия пандемии. Станут важны взаимодействие и наращивание торговли с теми государствами, которые уже преодолели пик распространения пандемии и начали восстановление либо полностью справились с распространением инфекции.

Не менее очевидным кажется *разворачивающийся кризис наднациональных институтов*. В контексте евразийской экономической интеграции Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) достаточно бодро реагирует в рамках имеющегося мандата¹. А вот наднациональные институты Евросоюза имеют значительно большее число полномочий в сравнении с евразийскими, но явно запаздывают с решениями. В условиях кризиса и проявлений национального эгоизма отдельными государствами-членами под сомнением оказывается эффективность наднациональных институтов ЕС как таковых. Будучи неспособной централизовать союзные ресурсы Европейская комиссия и модель интеграции ЕС, по лекалам которой зачатую развивается и евразийская экономическая интеграция, показывают нецелесообразность расширения мандата ЕЭК и передачи большего числа полномочий на наднациональный уровень.

Ситуация институциональной неопределённости, когда ни один существующий многосторонний институт не в состоянии решать многомерные кризисы, окажет значительное воздействие на международные отношения. Существующие форматы многостороннего взаимодействия не способны в полной мере ни оценивать масштаб коронакризиса, ни предлагать эффективные механизмы по его преодолению. Тем не менее ожидать формирования новых институтов и форматов или же реформирования существующих не стоит. Расцвет национального эгоизма средних и крупных стран, вызываемый

¹ Ссылка: <https://cceis.hse.ru/news/356577348.html>

нарастающими гегемонистскими амбициями великих держав, с высокой долей вероятности приведёт к повышению роли межгосударственного – прежде всего, двустороннего – взаимодействия. Однако и многосторонние форматы диалога сохранятся.

Фактором, который будет влиять на скорость выхода из коронакризиса, остаётся операционная среда. Существующим на пространстве Большой Евразии региональным интеграционным объединениям, в частности ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, важно формировать среду для качественно нового взаимодействия государств – членов этих объединений. То, что Китай в ближайшее время будет являться основным поставщиком спроса на континенте, должно стимулировать все существующие многосторонние форматы развития с участием Китая и обеспечить наиболее оптимальные механизмы взаимодействия. Актуальность прямых инвестиций Китая в национальные экономики государств – членов тех или иных интеграционных объединений будет переосмыслена, но факт их участия (прежде всего малых и средних держав) в интеграционных группировках улучшит их переговорные позиции с Китаем.

Асимметричные по своей глубине, степени имплементации и результативности меры борьбы с пандемией будут сдерживать государства от открытия своих границ в зависимости от эпидемиологической ситуации в сопредельных странах. Так, страны с более напряжённой эпидемиологической обстановкой обретут «новую токсичность» для сопредельных стран ввиду высоких рисков второй волны инфекции. В подобной ситуации важна реальная гармонизация подходов и оперативный обмен данными. Евразийская экономическая комиссия стремится более активно влиять на актуальную пандемическую повестку в рамках Союза. Пандемия является стресс-тестом для всех институтов евразийской экономической интеграции, от успеха которых сейчас зависит дальнейшее развитие интеграционных процессов.

Коронакризис – вызов для России и Казахстана, имеющих схожие по структуре экономики с высокой зависимостью от торговли природными ресурсами. Сложившаяся ситуация на рынках углеводородов – возможность. Прежде всего, возможность осознать новое состояние мира и потребность в реальной диверсификации экономических структур. Институтам евразийской интеграции и Высшему Евразийскому экономическому совету нужно сконцентрировать усилия на проактивных шагах и, отталкиваясь от «стратегий выживания» каждого государства-члена по отдельности, стремиться к формированию союзной «стратегии развития» с ясными и достижимыми целями среднесрочного и долгосрочного развития.

Коронакризис – возможность для ЕАЭС. Уже очевидно, что существующая модель капитализма не работает, однако новой пока нет. Государства – члены ЕАЭС должны определить новые драйверы и приоритеты своего развития, и наиболее перспективные долгосрочные инвестиции в современных условиях – инвестиции в человеческий капитал.

Новый пояс для Евразии

Евгения Прокопчук

Выпускающий редактор журнала «Россия в глобальной политике», аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пандемия коронавируса разделила историю на «до» и «после». Она забрала более 400 тыс. жизней, ускорила тренды, набравшие силу, сделала очевидными некоторые глубинные процессы, протекающие в глобальном социуме. На бушующую пандемию накладывается нарастающее противостояние США и Китая, которое становится важнейшим фактором трансформации современного экономического и политического мирового устройства. Соединённые Штаты взяли курс на изоляцию КНР, пытаясь сдержать экономический рост соперника. И хотя противники прочат друг другу упадок и лишения, победителей в этой схватке не будет – обе стороны, скорее всего, выйдут из борьбы ослабленными.

Текущая ситуация грозит сильно усложнить реализацию китайской инициативы «Пояс и путь». По данным нью-йоркской исследовательской компании *Rhodium Group*, строительство «Пояса и пути» замедлилось ещё до кризиса, китайские кредиты за рубежом снизились. Аналитики задаются вопросом, смогут ли банки КНР продолжать выдавать займы на финансирование глобальных начинаний. Из-за пандемии коронавируса финансовая система Китая испытывает серьёзную нагрузку. Многие банки и предприятия Поднебесной обанкротились, что привело к прекращению выплат по ранее выданным кредитам и остановке денежных потоков. Глобальные ло-

гистические цепи разорваны – а проекты «Пояса и пути» зависят в основном от китайских материалов и поставок, которые теперь недоступны из-за карантинных мер.

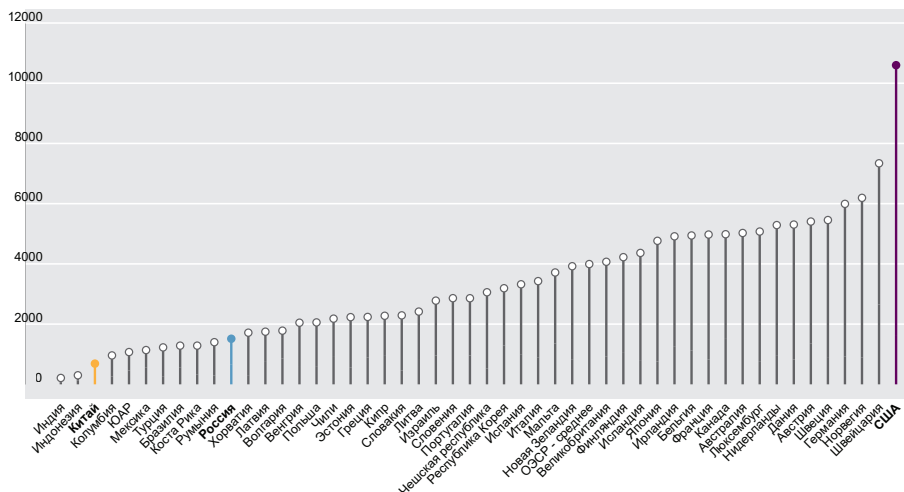
Несмотря на описанные ограничения, у Пекина пока достаточно ресурсов для того, чтобы усилить своё политическое и экономическое влияние за рубежом. Кредитный портфель КНР очень обширный, и займы *BRI* – только небольшая его часть. Китайская экономика первой оправилась от удара, и многие пострадавшие страны рады любой поддержке. Сейчас Китай позиционирует себя спасителем мира от заболевания. Помощь от него получили США, Республика Корея, Япония, Камбоджа, Пакистан, Италия, Франция, Сербия, Иран, Ирак, ВОЗ, Африканский союз и другие. Правительство Китая объявило о содействии 82 странам, в том числе ближайшим соседям России на постсоветском пространстве: Белоруссии, Узбекистану, Таджикистану, Армении, Казахстану, Азербайджану и прочим. Многие подзревают Пекин в желании использовать тяжёлую ситуацию для наращивания своего влияния на мировой арене. Но стремление Китая сохранить и укрепить свою «мягкую силу», которая оказалась сильно подорвана последними событиями, вполне объяснимо. В связи с этим большой интерес представляет судьба евразийского пространства, которое в последнее время рассматривалось в контексте реализации масштабных инфраструктурных инициатив Поднебесной.

Мир стремительно меняется, и встаёт вопрос о том, какую позицию может занять Россия, в частности в отношении построения Большой Евразии. Эпидемия не только принесла много бедствий – она открыла новые возможности для сотрудничества. Так, Китай реанимировал инициативу «Шёлковый путь в области здравоохранения» (*Health Silk Road*). Она подразумевает самый широкий круг мер, направленных на борьбу с *COVID-19*, и укрепление глобального управления с помощью общественного здравоохранения. Если в случае с проектом «Пояс и путь» Россия занимала заведомо менее выгодные позиции из-за относительной слабости своей экономики по сравнению с китайской, то участие в «Шёлковом пути в области здравоохранения» может принести России серьёзные политические дивиденды.

В борьбе с эпидемией важную роль играет не только финансирование, но и решительные ограничительные меры. На середину июня 2020 г. в США от коронавируса умерло около 117 тыс. человек, в России – 7 тыс., в Китае – 4,6 тыс. человек. В то же время, согласно статистике ОЭСР, по расходам на здравоохранение на одного человека в США приходилось более 10 тыс. долл., в то время как в России этот

показатель равнялся 1,5 тыс. долл., а в Китае – около 700 долл. При меньших затратах российская и китайская системы общественного здравоохранения справляются с эпидемией эффективнее во многом благодаря централизованной структуре управления (что не отменяет проблему недостаточного финансирования, учитывая общий объём ресурсов). В вопросах охраны здоровья населения российские специалисты компетентны, накоплен богатый опыт борьбы с инфекционными заболеваниями, в том числе благодаря наследию медицины СССР. От Советского Союза России досталась разветвленная система здравоохранения, которая характеризуется высокой степенью централизации. Обязательное медицинское страхование делает доступными базовые медицинские услуги.

Расходы на здравоохранение в странах ОЭСР за 2018 г. (долл. США на душу населения)

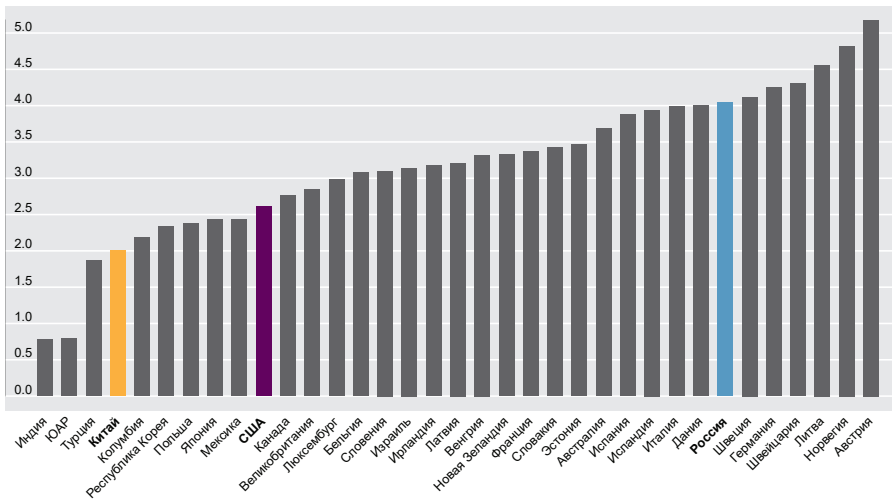

Источник: OECD Data (<https://data.oecd.org/healthres/health-spending.htm#indicator-chart>)

У этой структуры есть существенные недостатки – такие, как недофинансирование, сложности с оказанием услуг первичной медико-санитарной помощи в малых населённых пунктах, зависимость обеспечения медучреждений от местных бюджетов. Однако базовые принципы работы позволяют предотвратить вспышки серьёзных эпидемий (в первую очередь инфекционных заболеваний – холеры, чумы, оспы и прочих). По данным «Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения», количество медицинских работников в России выше, чем в соседних республиках и является одним из самых высоких в Европейском регионе ВОЗ. Кроме того,

врачей в России в полтора раза больше на тысячу человек населения, чем в США, и вдвое больше, чем в Китае. Таким образом, у России есть ресурсы, необходимые для того, чтобы играть активную роль в инициативе «Шёлкового пути в области здравоохранения». Интересно, что и Пекин, и Москва отправили помощь странам, наиболее пострадавшим от заболевания – обе державы стремятся стать донорами гуманитарной помощи, что даёт как поводы для разногласий, так и богатую почву для сотрудничества.

Количество докторов в странах ОЭСР на 1000 жителей за 2018 г.

Источник: OECD Data (<https://data.oecd.org/healthres/doctors.htm#indicator-chart>)

Пандемия показала, что международные организации, призванные защищать здоровье людей, неэффективны перед лицом реальной угрозы. Возможно, пришло время предпринимать больше усилий на региональном уровне, и сейчас для России и КНР самое благоприятное время встать у истоков новой системы.

Игра, проведённая в рамках проекта «Большая Евразия в восприятии нового поколения российских и зарубежных лидеров», имела целью смоделировать процесс обсуждения и принятия решений на Евразийском пространстве в случае гуманитарной катастрофы. Её анализ (см. Дорожную карту) показал, что в Евразии нет института, который мог бы оперативно отреагировать на кризисный сценарий. В итоге платформой для решения проблем была выбрана ООН, которой отдавался и мандат на действия. Однако, организация не могла при-

нимать эффективных мер, пока ситуация не достигла определённого уровня накала, когда были нужны уже не превентивные меры, а непосредственное вмешательство. Другой институциональный игрок, ЕАЭС, в случае гуманитарной катастрофы при всём желании мало что мог предложить, а инициативы, не входившие в его непосредственную зону ответственности, подвергались критике как действия сверх полномочий. Функции ОДКБ сводились к обеспечению безопасности и применению вооружённых сил, но решить в рамках данного объединения другие гуманитарные вопросы (например, о квотах на чистую питьевую воду) также не представлялось возможным. Таким образом, есть необходимость в новой структуре. Надо понимать, что она будет дублировать функции ООН, при этом её полномочия могут быть шире, и она должна работать быстрее и эффективнее.

Безусловно, Евразии нужен международный институт, который будет способен своевременно реагировать на гуманитарные вызовы. Это представляется важным ещё и потому, что опросы общественного мнения фиксируют снижение интереса к евразийскому проекту в странах-участницах. Появление структуры, нацеленной на обеспечение здоровья населения, сейчас как никогда актуально. Новая совместная инициатива в гуманитарной сфере может вывести политические и экономические процессы на евразийском пространстве на новый уровень и стать ещё одним шагом для укрепления позиций России в регионе и в мире.

Навстречу «серым носорогам»

Симоне Феррони

Слушатель магистерской программы «Государственная политика на постсоветском пространстве» образовательной программы по политологии PolitIQ факультета политологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (Италия)

Политическая тренинг-игра «Евразийский узел: идеальный шторм» предоставила замечательную возможность понять сложность задач, с которыми государства и международные организации сталкиваются сегодня и, видимо, всё чаще будут сталкиваться в предстоящие

годы. Редко выпадает шанс «разработать» международный кризис, который спровоцировал бы стихийные бедствия и вызванные ими экономические и гуманитарные потрясения. В стройном сценарии удалось сконцентрировать события и процессы, хорошо известные практикам международных отношений: кризис беженцев, эпидемия в переполненных гуманитарных лагерях, пограничные споры с проблемами самоопределения наций, дипломатические конфронтации и так далее. Все подобные проблемы вполне могут возникнуть в постсоветском евразийском контексте и за его пределами, что придаёт игре прогностический характер: как могут выглядеть геополитические побочные эффекты в случае ухудшения ситуации в ближайшем будущем. Это сделало тренинг-игру реалистичной.

Если внимательнее проанализировать проблемы, поднятые в игре, выясняется, что они были вполне ожидаемы благодаря предупреждениям и очевидным доказательствам. Специалист по рискам Мишель Вукер ввела термин «серые носороги» для определения «очень вероятных, значительных по последствиям, но игнорируемых угроз»², подобных тем, с которыми пришлось столкнуться участникам. Иными словами, это были проблемы и бедствия, которые часто можно предупредить до их возникновения.

В январе 2020 г. мир столкнулся с реальным «серым носорогом», пандемией *COVID-19*. Как отметил профессор Ричард Саква в недавней статье в журнале «Россия в глобальной политике»³, эта пандемия была чем угодно, но никак не «чёрным лебедем», чем-то непредсказуемым и редким, что можно проанализировать лишь постфактум. Появление подобного вируса было давно предсказано. И речь не о получившей недавно известность лекции Билла Гейтса на конференции *TED*⁴ в 2015 г., а в основном о призывах экспертов-эпидемиологов к профилактическому сотрудничеству и о таких биологических проявлениях, как ВИЧ, Эбола, *SARS* (тяжёлый острый респираторный синдром, также известен как атипичная пневмония)

² “Nonfiction Book Review: The Gray Rhino: How to Recognize and Act on the Obvious Dangers We Ignore by Michele Wucker”. PublishersWeekly.com. URL: <https://www.publishersweekly.com/978-1-250-05382-4>

³ Саква Р. Здравый смысл: перезагрузка. Журнал «Россия в глобальной политике», №3, Май/Июнь, 2020. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/zdravyj-smysl-perezagruzka/>

⁴ TED (аббревиатура от англ. *technology, entertainment, design*; технологии, развлечения, дизайн) – американский частный некоммерческий фонд, известный, прежде всего, своими ежегодными конференциями. Конференции проводились с 1984 г. в городе Монтерей (Калифорния, США), с 2009 г. – в городе Лонг-Бич (Калифорния, США), а с 2014 г. в городе Ванкувер в Канаде.

и других. Коронавирус высветил недостатки специализированных международных организаций, в частности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Несмотря на неоднократные призывы к сотрудничеству в борьбе с потенциальной пандемией, этой организации приходилось иметь дело с постоянно сокращающимся бюджетом и попадать в растущую зависимость от частных вкладчиков, что вредило её независимому статусу. Как подчёркивает Саква, подобное положение дел точно отражало то, что происходило на государственном уровне в глобальном масштабе в связи с давно идущим разрушением возможностей национальных систем общественного здравоохранения.

Во время вынужденной карантинной паузы было много предположений, каким станет мир будущего после этого приостановленного, но невероятно динамичного настоящего. Пока трудно и даже неуместно делать выводы о поразившем всех кризисе. Поэтому размышления, которые последуют в этой статье, должны рассматриваться лишь как предварительные для понимания, что происходит в месяцы вынужденного локдауна.

Не прекращаются споры, станет ли пандемический кризис поворотным моментом или даже ускорителем истории. Разумно рассматривать историю как совокупность реалий, которые не в равной степени подвержены глобальным потрясениям. Другими словами, в некоторых областях *COVID-19* может сыграть роль катализатора процессов, тогда как в других – поворотного момента и так далее.

В эти месяцы в центре обсуждения три темы: глобализация, новый мировой порядок (если таковой сложится) и будущее Европейского союза.

Несомненно, пандемия стала серьёзным стресс-тестом для глобализации, которая уже испытывала напряжение из-за конкурирующих тенденций, способных усугубиться в будущем. Благодаря недавним событиям значительно упрочился институт государства вообще, равно как и так называемое «государство всеобщего благоденствия» – в противовес глобализации на основе либеральной рыночной экономики, (исторически) продвигаемой Соединёнными Штатами. Вдобавок США попытаются укрепить свою материальную самодостаточность, осознав дефицит и уязвимости, возникшие во время международной самоизоляции. Это вызовет значительную активизацию протекционистских мер, что, в свою очередь, приведёт мировую экономику к замедлению. Что касается глобальных инсти-

тутов, то, например, ВОЗ, которая должна была сыграть ключевую роль в глобальном противодействии пандемии, утратила значительную часть и без того снижавшегося доверия. Тем не менее кризис даёт возможность вдохнуть новую жизнь в глобализацию, поскольку всё равно потребуются всестороннее и гармоничное сотрудничество как на межгосударственной многосторонней основе, так и на уровне международных организаций.

Другой темой, вызывающей споры среди учёных, является будущее мирового порядка после кризиса. Большинство экспертов сходятся во мнении о переходе от однополярного к многополярному или даже к новому биполярному устройству, в основе которого будет соревнование США и Китая. Соединённые Штаты, похоже, ускоряют отступление с международной арены в соответствии с палеоконсервативной внешней политикой⁵, что создаёт основу для восхождения Китая.

Но эту тенденцию не надо рассматривать как окончательную, поскольку в ноябре предстоят президентские выборы в США, а обстановка там далека от спокойной и предсказуемой. Наряду с критикой действий администрации в отношении коронакризиса, беспорядки, возглавляемые движением *Black Lives Matter*, отражают эндемическое социальное и экономическое неравенство, которое медленно подрывает экономическую мощь США и прочность их международных позиций. На фоне этой картины возникает вопрос: действительно ли Америка способна «вернуть себе величие»?

Кризис из-за *COVID-19* бросает невероятный вызов и Европейскому союзу. Пандемия может стать политическим тестом для уже и без того дестабилизированной Европы. Пока результаты были противоречивы. Страны-члены ЕС отреагировали эгоистично и неорганизованно. Политика карантинной самоизоляции была далеко не повсеместной. В то время как некоторые страны начали блокировку в начале марта, другие, призывавшие к выработке коллективного иммунитета, ждали до последнего момента, прежде чем

⁵ Палеоконсерватизм — название традиционного течения американской консервативной мысли, оппозиционного неоконсерватизму. Палеоконсерваторы критически относятся к современной форме конституционной демократии, считают необходимым возвращение к религиозной морали. Противники централизации власти, они обращают внимание на постоянный рост функций правительства в последние десятилетия. В области внешней политики являются сторонниками изоляционизма и противниками интервенционизма. Наиболее яркими представителями палеоконов являются Стив Бэннон, бывший главный стратег Дональда Трампа, и Пэт Бьюкенен, заявлявший: «Мы – Старые Правые и Старая Церковь». – *Прим. ред.*

стали принимать серьёзные меры борьбы с пандемией, что привело к тяжёлым последствиям. Такой уровень несогласованности между членами ЕС наблюдался не только в ходе противовирусных мероприятий, но и в финансовой сфере. Фактически происходили ожесточённые схватки по поводу финансовой поддержки стран, экономика которых может больше всего пострадать от последствий *COVID-19*, между сторонниками строгого подхода (германские страны) и всеми остальными (во главе с Италией и Францией) – сначала по поводу «коронаоблигаций», затем вокруг Плана восстановления. Однако этот кризис, как и все предыдущие, может стать возможностью роста для Европейского проекта. Утверждение Плана восстановления представляет собой современный План Маршалла, реализованный Европой и для Европы. Кроме того, учитывая международный вакуум, оставленный Вашингтоном, это может стать подходящим временем для Брюсселя, чтобы найти собственный путь и играть более заметную роль в качестве умного международного игрока. Как учит история, Европа всегда возрождается из пепла более сильной, чем прежде.

В целом урок, который следует извлечь из этого всё ещё продолжающегося опыта, заключается в необходимости сотрудничества внутри государств и между ними. В этом отношении сотрудничество должно предусматривать не только управление в условиях кризисов, но и их совместное предотвращение. Появление таких разрушительных «серых носорогов» необходимо предвидеть с помощью международных программ и инициатив (вроде Международной инициативы по коралловым рифам). Драматические события показали, что независимо от национальности все люди испытывают одинаковые опасения, а трансграничная координация является ключом к решению транснациональных проблем. И наоборот, изоляция и национальный эгоизм – верный путь к неудаче.

Исходя из этой критической необходимости сотрудничества и гармонии в связи с глобальными вызовами, евразийские интеграционные проекты могут найти жизненную основу для своего дальнейшего развития.

Глобализация меняет флаг

Наталья Помозова

*Кандидат социологических наук, старший преподаватель
Российского государственного гуманитарного университета*

COVID-19 продемонстрировал не только объяснимую неготовность системы здравоохранения подавляющего большинства стран к эпидемии такого масштаба, но и отсутствие антикризисного плана у правительств по всему миру. Совсем немногие показали эффективность антикризисного управления (яркий пример – Южная Корея, где правящая президентская партия, рейтинг которой ещё полгода назад заставлял сомневаться в её способности победить, получила вотум доверия от населения благодаря действиям в период инфекции). Большинство правительств оказались не готовы защитить население своих стран, не говоря уже о том, чтобы оказать внешнюю помощь.

Кажется, пандемия нанесла удар по концепции глобализации, которая подверглась значительной критике. Страны ЕС в условиях чрезвычайных обстоятельств не протянули руку помощи братьям по объединению в момент, когда те в ней остро нуждались. Одной из наиболее пострадавших и совершенно не готовых к эпидемиологическому кризису оказалась Италия. В Италии по-прежнему достаточно сильна правая оппозиция во главе с председателем «Лиги» Маттео Сальвини, который давно выдвигал идею целесообразности выхода Италии из Евросоюза. Теперь же *exit*, по его мнению, – первое, что должно стать центром итальянской политической жизни после того, как государство справится с вирусом. Такой вариант развития событий маловероятен – Италии понадобятся средства для восстановления экономики, и, похоже, их главным источником может стать Брюссель. Публичные извинения Урсулы фон дер Ляйен за то, что Евросоюз вовремя не пришёл на помощь, подарили правящей коалиции Италии надежду на экономическую поддержку. В таких обстоятельствах идея «Лиги» о выходе из ЕС не выглядит убедительной, учитывая, что партия не может предложить конкретных мер по борьбе с последствиями пандемии.

Дональд Трамп, как и европейские партнёры, ожидаемо вернулся от идей глобализации в сторону защиты интересов США. Ограничение иммиграции, по его мнению, будет иметь положи-

тельный эффект для Америки – это позволит снизить эпидемиологические риски и освободит рабочие места на кризисном рынке труда для американцев.

Конечно, концепция глобализации никуда не исчезает. Но парадоксальным образом она всё более отчётливо приобретает китайские черты. Её традиционные адепты, так называемый коллективный Запад, отстаивавший в благоприятные для своих стран времена идеи глобального мира и демократических ценностей, в кризис «закрываются» и концентрируются на решении собственных проблем. Теперь именно Пекин выступает главным сторонником глобализации, которую он щедро наделил собственной спецификой.

Когда эпидемия только началась в Ухане, Китаю пророчили тяжёлые времена – основа легитимности Коммунистической партии, экономический рост находился под угрозой. В условиях интернет-технологий, доступа к информации, всё большей открытости миру обеспечивать высокий уровень доверия огромного населения весьма непросто. Западные демократические свободы могут выглядеть привлекательными на фоне авторитарного режима. И это отчётливо видно на примере ситуации с Гонконгом, где продолжавшиеся долгое время протесты серьёзно озадачили власти на материке. Поддержка народом курса КПК и лично Си Цзиньпина как её ядра основывается на стабильном экономическом росте, увеличении благосостояния граждан, гарантиях трудоустройства молодёжи – всё это оправдывает социализм с китайской спецификой в глазах населения.

Авторитарный режим в кризисной ситуации оказался более эффективным, чем почти все демократические правительства. Жёсткая дисциплина и надёжная финансовая подушка позволили КНР не только справиться с эпидемией у себя в стране, но и продемонстрировать готовность взять на себя роль ответственной державы, способной оказать помощь тем, кто в ней нуждается. Глобальные вызовы требуют консолидированного реагирования, взаимной помощи, готовности «подставить плечо». Руководство Китая уловило этот запрос и старается возглавить мировую борьбу против общего «невидимого» врага, обернув себе на пользу репутационные издержки.

Растут опасения Соединённых Штатов относительно своей способности удержать глобальное превосходство, сохранить расстановку сил на международной арене. Главным соперником они

небезосновательно считают КНР. И хотя на момент начала пандемии баланс сил в четырёх ключевых областях, дающих государству основания претендовать на свехрдержавность (экономика, военная мощь, наука и технологии, геостратегическое влияние), перевешивал в сторону США, посткризисное восстановление может отчасти изменить его.

Основная борьба разворачивается в информационном поле. Мы видим, как на глазах меняется официальный и экспертный дискурс Китая: он отступает от миролюбивой сдержанной конфуцианской риторики, становясь наступательным и резким. Таким образом китайская дипломатия даёт симметричный ответ Вашингтону, который вменяет Пекину сокрытие и распространение недостоверной информации о вирусе, занижении числа инфицированных, сыпятся взаимные обвинения Пекина и Вашингтона в искусственном происхождении *COVID-19*. Китаю, который уже начал восстановление экономики, очень важно выстоять в этой информационной схватке, доказав партнёрам (в первую очередь в Европе, на которую направлена долгосрочная внешнеполитическая стратегия КНР) свою благонадёжность и нацеленность на общий выигрыш. В этом смысле для Китая открываются дополнительные возможности в связи с тем, что страны Евросоюза в процессе восстановления экономики будут нуждаться в помощи.

Эпидемиологическая катастрофа, кризис на нефтяном рынке уже имеют последствия для всего мира, и тяжесть их будет только увеличиваться. Антикризисное управление на международном уровне продемонстрировало национальный эгоизм, стремление обвинить других, чтобы оправдать собственную неэффективность, отсутствие эмпатии. Масштабное противостояние Китая и США, главный фронт которого в данный момент сместился в информационное поле, борьба за умы и сердца европейцев – то, что будет влиять в краткосрочной и среднесрочной перспективе на ситуацию в мире. Процессы глобализации под китайским флагом, начавшиеся задолго до пандемии, усилились под её влиянием.

Евразия, как и весь мир, будет ещё долго испытывать на себе экономические последствия *COVID-19*, и многие страны будут вынуждены обращаться за помощью к Китаю. Если он не будет им в этом отказывать, можно прогнозировать дополнительное усиление его позиций на материке. Однако скорость развития самого Китая и его лидерство в глобальных процессах будет во многом зависеть от того, сколько ресурсов Пекину придётся бросить на

противостояние с Вашингтоном. России же стоит подумать о том, чтобы в ближайшей перспективе занять выжидательную внешне-политическую позицию, пересмотреть риторику и заполнить освободившуюся нишу миролюбивой и эффективной дипломатии, в которой так нуждается сейчас всё мировое сообщество.

«Мягкая сила» и твёрдая линия

Александр Федотов

Первый заместитель руководителя Государственного автономного учреждения «Центр стратегических исследований Республики Саха (Якутия)»

Мировой политический процесс приобрёл настолько сложный характер, что говорить о нём как об одномерном явлении уже не приходится. А процесс принятия внешнеполитических решений должен включать в себя комплексный междисциплинарный анализ. Участие в тренинг-игре позволило мне взглянуть на эти прописные истины под другим углом. Современный мир не просто ставит военно-политическое руководство нашей страны в жёсткие рамки правил глобальной «шахматной доски», которые при большом желании можно, как и любые другие правила, проигнорировать. Он устанавливает непреложные законы геостратегического бытия, несоблюдение которых ведёт чаще всего к гибели геополитического актора.

Всё это приводит к необходимости, как уже было сказано выше, проведения комплексных междисциплинарных исследований и анализа в процессе управленческих решений. Помимо чисто политических моментов, необходимо учитывать вопросы, связанные с экономикой, экологией и другими аспектами социальных отношений. Более того, усложнение глобальных процессов привело и к значительному расширению инструментария, доступного для субъектов геополитики. История второй половины XX века показывает высокую эффективность группы инструментов продвижения геополитических интересов, которые принято называть «мягкой силой». Именно «мягкая сила» позволила США создать имидж непогрешимости на глобальном уровне, что, в свою очередь, позволило им получить лояльность союзников и – через них – контроль над боль-

шинством из ныне существующих международных политических и экономических институтов. На данный момент лишь военная мощь и созданный с помощью вышеозначенных инструментов авторитет позволяют Соединённым Штатам сохранять формальное положение мирового гегемона.

Существующий до некоторой степени и поныне идеологический диктат США исключает эффективное использование инструментов «мягкой силы» другими субъектами глобального политического процесса. Но мир находится в полосе смены гегемона. Этот процесс всегда сопровождается системными кризисами и глобальной нестабильностью. Таким образом, можно говорить о том, что период мирового господства Соединённых Штатов Америки подходит к концу. Следовательно, возможности всех участников геополитического процесса значительно увеличиваются, в том числе и возможности использования инструментов «мягкой силы». Подобное положение вещей, безусловно, порождает хаос в международных отношениях: происходит разрушение механизмов и институтов международной безопасности, распад блоков и союзов, активизация замороженных конфликтов. В нестабильной обстановке большая часть бывших сателлитов прежнего глобального лидера на всех континентах, в том числе и в Евразии, озабочена поисками нового центра силы, способного гарантировать им безопасность и спокойствие. Подобное развитие событий даёт возможность Российской Федерации упрочить свои позиции в роли регионального лидера.

Принимая на себя роль регионального центра силы, нашей стране необходимо взять на вооружение весь опыт и полный спектр инструментов, оставшийся после гегемонии США. Речь, в первую очередь, идёт о грамотном применении «мягкой силы». Только правильно использованная «мягкая сила» может принести положительный результат. Российский опыт работы с данным инструментом не слишком удачен. Чаще всего подобные попытки имели характер либо подкупа через предоставление льгот на энергоресурсы, либо попытки донести до жителей целевых стран российскую точку зрения на происходящие события, что зачастую воспринимается потребителями информации как пропаганда, иногда довольно топорная.

На первом этапе не стоит транслировать информацию, которая может восприниматься как обеление имиджа Российской Федерации. Необходимо способствовать началу полемики о недостатках общественного и государственного строя геополитических соперников РФ внутри их же социума. Таким образом, Россия имеет

шанс перенести идеологическую борьбу с собственной территории. Катализатором подобной полемики может стать, например, производство кассовой кинокартины о неоднозначном историческом периоде или спорном историческом персонаже. Так возможно разжечь общественную дискуссию, которая будет способствовать поляризации общественных настроений. Отсутствие консенсуса в обществе вынудит эти геополитические субъекты обращать меньше внимания в том числе на Евразийский континент, что даст РФ некоторую свободу рук в данном регионе. Это, в свою очередь, позволит более эффективно применить инструменты «мягкой силы» уже по отношению к евразийским государствам, воспользовавшись сокращением пропаганды внешнеполитических противников. Через «мягкую силу» страны бывшего СССР должны осознать тот факт, что Российская Федерация является гораздо более успешным и сильным государством, чем они сами. Величие России, идея её историко-культурного превосходства должна вселить в них желание быть рядом с Россией.

При правильном использовании вышеописанного инструмента разрешение кризисных ситуаций на Евразийском континенте упростится, а Россия сможет занять позицию авторитетного регионального лидера. Без реального авторитета, обеспечиваемого умелой пропагандой и вооружённой силой, невозможно эффективно разрешать политические кризисы и конфликты.

Помимо использования «мягкой силы», военно-политическому руководству Российской Федерации стоит продолжать следовать курсом прагматичной внешней политики. Любые внешнеполитические союзы необходимо заключать исключительно в интересах российского государства, идеология должна быть средством достижения целей, а не целью. Часто цитируют императора Александра III: «Во всём свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас». При этом не всегда вспоминают, что, следуя этому кредо, он вошёл в историю как миротворец. Ведя исключительно прагматичную политику, смог избежать войны и все выпавшие на его правление международные кризисы разрешил в мирном русле. Достойный пример для подражания.

Евразия и четыре всадника Апокалипсиса

Анастасия Пятачкова

Младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Известный дипломат Кишор Махбубани в работе «Великая конвергенция» писал⁶, что человечество живёт так хорошо, как никогда раньше. На момент выхода книги он отмечал, что произошло повышение жизненного уровня населения, снижение нищеты в глобальном масштабе: по данным на 2010 г. после запуска программы «Целей развития тысячелетия» ООН количество бедных уменьшилось на 22% при ускоряющихся темпах роста населения. Увеличилось количество людей с высшим образованием: например, в КНР в 2009 г. было присвоено 500 тысяч докторских степеней, а в 1990 г. – лишь 1900. Снизилось число войн, а количество погибших в боевых действиях на 100 тысяч человек уменьшилось в тысячу раз за несколько столетий. Выросло количество международных площадок для сотрудничества.

Особенно позитивно оценивались тенденции в Азии на фоне её подъёма (так, в 2014 г. Китай обогнал США по ВВП по ППС). В России набирали популярность дискуссии о повороте на Восток и создании Большой Евразии, в отношении которых высказывались позитивные оценки: рост торгового оборота, инвестиций, расширение направлений сотрудничества⁷.

На этом фоне складывается впечатление, что людям отчаянно не хватало драмы: в последние годы отмечался рост интереса населения к апокалиптическим сюжетам. Этим, в частности, объясняют популярность таких сериалов, как «Игра престолов» и «Благие знамения», – не говоря уже о фильмах с нашествием инопланетян, падением метеоритов на Землю и природных катастрофах.

⁶ Махбубани К. Великая конвергенция. Азия, Запад и логика единого мира. РСМД, пер. с английского, 2014. С. 1–28.

⁷ Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии. Россия в глобальной политике, 2017. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>

Особенно впечатляет сравнение пандемии коронавируса с нашествием зомби. Автор книги «Теории международной политики и зомби» Дэниел Дрезнер пишет в своей недавней статье⁸, что зомби и коронавирус похожи тем, что с ними нельзя договориться, у них нет какой-либо организованной структуры, есть лишь цель поедать человеческую плоть (и плодить себе подобных). Если вспомнить, насколько активным был дискурс о так называемой «китайской угрозе», можно сказать, что в 2020 г. материализовалась все худшие опасения.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в январе 2020 г. использовал аналогию «всадников Апокалипсиса»⁹, говоря о текущей геополитической напряжённости, климатическом кризисе, глобальном недоверии и злоупотреблении техническим прогрессом. Хотелось бы развить эту мысль для анализа сложившейся международной обстановки и её последствий для Евразии.

Чума (Болезнь)

Ведущие эксперты мира задумываются над тем, была ли эта катастрофа такой уж неожиданной? Ведь ранее уже вырабатывались меры по борьбе с *H1N1*, СПИДом, Эболой, лихорадкой Зика – в отношении многих из которых писали, что ими никто всерьёз не занимался до тех пор, пока проблема не затрагивала развитые страны. Таким образом, становится актуальным вопрос секьюритизации – какую проблему и в какой момент начинать считать вызовом безопасности. Ведь и коронавирус начали серьёзно воспринимать в мире по большому счёту лишь марте.

Профессор Алексей Киреев¹⁰ отмечает, что эпидемии регистрировались регулярно, но никто не обращал на них внимания. По данным ВОЗ, с 2011 по 2017 гг. произошло 1307 эпидемических событий в 172 странах мира (из них, например, 14 в России, 30 в КНР, 36 в США). По его мнению, пандемия выявила неэффективность государственной политики: по сути, карантин – это старая мера, которая

⁸ Дрезнер Д. Foreign Policy (США): что я узнал о пандемии после просмотра фильмов о зомби. Иносми, 2020. Ссылка: <https://inosmi.ru/politic/20200415/247262859.html>

⁹ «Точка невозврата»: генсек ООН назвал «всадников Апокалипсиса». Газета.ру, 2020. Ссылка: https://www.gazeta.ru/politics/2020/01/23_a_12923306.shtml

¹⁰ Киреев А.П. Мастер-класс в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», 2020. Ссылка: https://www.youtube.com/watch?v=7j5jSuYkv_U&feature=emb_logo&fbclid=IwAR1FQMZ8wXhbH7nTrg_BmnT5CEziwzmbA5Z7HvbqZze5HkT1JfYEMbMYIYg

всегда применялась при эпидемиях. Но то, что относительно безболезненно работало в разобщённом мире, в глобализованном привело к катастрофическим последствиям.

Многие болезни человечества протекают «бессимптомно». В эпоху *big data* у нас есть информация и статистика по всем этим накапливающимся потенциальным сюжетам, но отсутствует качественная методология выявления рисков и поиска адекватных времени ответов на них.

Война

Несмотря на то, что сейчас всё внимание сосредоточено на пандемии, остальные проблемы и традиционные конфликты по примеру сирийского никуда не делись, хотя дипломатия перешла «в режим ожидания»¹¹. Ещё одним опасным сюжетом является растущая эскалация напряжённости в отношениях между КНР и США, а учитывая количество сфер их взаимодействия, последствия конфронтации между ними для мира могут быть более опасными, чем между Советским Союзом и США в эпоху холодной войны¹². На данный момент наиболее активно противостояние проявляется в информационной и экономической плоскости. Современная конкуренция идей развернётся скорее в области ценностей, а не идеологии¹³.

Потенциально источниками конфликта могут выступать долгосрочные тенденции в демографическом развитии, а также связанные с этим проблемы неравенства и миграции. Так, по прогнозам ООН, население Африки к югу от Сахары увеличится на 99%, Северной Африки и Восточной Азии на 46%, Центральной и Южной Азии на 25%, Латинской Америки и Карибского бассейна на 18%, при этом прогноз по увеличению населения Европы и Северной Америки – лишь 2%. Такое распределение наряду с проблемами климата и продовольственной безопасности в перенаселённых регионах мира может вызывать дополнительные потоки миграции и конфликты за использование ресурсов. Эти процессы затронут и Большую Евра-

¹¹ Лукьянов Ф.А. Дипломатия в режиме ожидания. Россия в глобальной политике, 2020. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/diplomatiya-v-rezhime-ozhidaniya/>

¹² Не одичать в осыпающемся мире. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/>

¹³ «Не одичать в “осыпающемся мире”». Презентация Валдайского доклада. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/ne-odichat-prezentatsiya-vneocherednogo-doklada/>

зию, обеспечивая ей приток населения из других регионов мира. В связи с этим вопрос улучшения уровня жизни в таких регионах и создания условий для мигрантов в странах Большой Евразии заслуживает отдельного внимания как в рамках национальной политики, так и в рамках совместных международных инициатив.

Голод

Нерешённые конфликты также могут оказывать влияние на ситуацию в сфере продовольственной безопасности. В апреле 2020 г. появилось множество публикаций о действиях Китая на реке Меконг, где отмечается связь с построенными КНР на своей территории дамбами и сильнейшей за несколько десятилетий засухой 2019 г., которая, в свою очередь, осложнила ситуацию в сфере продовольственной безопасности в регионе¹⁴.

Проблема продовольственной и водной безопасности связана и с другими важными аспектами – такими, как изменение климата. Для Большой Евразии данный вопрос особенно актуален, учитывая, что количество природных бедствий и катастроф в АТР традиционно высокое. По данным отчёта Экономического и социального совета ООН¹⁵ за 2019 г. годовой ущерб от природных катастроф в регионе составил 675 млрд долларов: 60% этого пришлось на засухи, 13,6% – на землетрясения, 0,8% – на цунами и по 12,8% на тропические циклоны и наводнения.

В докладе ЮНИСЕФ¹⁶ отмечается, что в 2018 г. в АТР 7,6% населения региона испытывали острую нехватку продовольствия и 22% – умеренную или тяжёлую. Наиболее сложная ситуация отмечалась в Южной Азии, где наблюдался резкий рост случаев острой нехватки продовольствия (с 10,9% до 14,4%), что эксперты связывают с ростом безработицы в Индии и замедлением экономического роста в Пакистане.

¹⁴ Johnson K. Chinese dams held back Mekong waters during drought, study finds. Reuters, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mekong-river/chinese-dams-held-back-mekong-waters-during-drought-study-finds-idUSKCN21V0U7>; Mekong tests China's leadership. Japan Times. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/04/15/commentary/world-commentary/mekong-test-chinas-leadership/#.XrlvvqgzZPY>

¹⁵ Summary of the Asia-Pacific Disaster Report 2019. UN ESCAP. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Summary%20of%20the%20Asia-Pacific%20Disaster%20Report%202019_English.pdf

¹⁶ Asia and Pacific Food Security. UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/eap/media/4526/file/Asia%20and%20Pacific%20food%20security.pdf>

Смерть

Остановка экономических процессов во время карантина привела к объективному ухудшению экономических условий: ожидается ещё больший спад, чем после финансового кризиса 2008–2009 годов. По данным МВФ, опубликованным в апреле 2020 г.¹⁷, прогнозировался отрицательный общемировой рост ВВП (-3%), при этом в развивающихся экономиках он оценивается -1%, а в развитых -6,1% (ещё в январе 2020 г. прогнозировался рост в 3,3% по сравнению с 2,9% в 2019 г.)¹⁸.

На пространстве Большой Евразии ситуация различается: в частности отрицательный рост ВВП прогнозируется в России (-5,5%), Киргизии (-4%), Иране (-6%), Японии (-5,2%). Чуть лучше ситуация в Казахстане (-2,5%), Республике Корея (-1,2%) и Монголии (-1%). При этом во многих странах Азии и частично Центральной Азии положительный рост хотя и снизится, будет сохраняться – в Китае (1,2%), в Индии (1,9%), в Узбекистане (1,8%), Туркмении (1,8%).

Что касается прогнозов по безработице¹⁹, в Евразии они остаются достаточно низкими по сравнению с рядом других регионов мира. Так, в России она прогнозируется на уровне 4,9%, в Казахстане – 7,8%, в Монголии – 6,3%, в КНР – 4,3%, в то время как, например, в США – 10,4%, в Бразилии – 14,7%, в Испании – 20,8%, в Судане – 25%, а в ЮАР – 35,3%.

Наряду с нестабильной геополитической ситуацией, кризисом доверия и политического лидерства в обществе ухудшение социально-экономической обстановки может повлечь за собой значительное снижение уровня и качества жизни. Это обычно сопровождается ростом уровня смертности, рисков для здоровья населения (включая развитие сопутствующих и хронических заболеваний), также высокая вероятность повышения уровня преступности. Эти проблемы усугубляются на фоне продолжающегося роста населения (по прогнозам ООН, в 2050 г. население мира достигнет 9,7 млрд человек)²⁰.

¹⁷ МВФ [официальный сайт]. Ссылка: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD

¹⁸ МВФ [официальный сайт]. Ссылка: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>

¹⁹ МВФ [официальный сайт]. Ссылка: <https://www.imf.org/external/datamapper/LUR@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD>

²⁰ ООН [официальный сайт]. Ссылка: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-population-prospects-2019.html>

Выводы для Евразии

Дискуссии о ресуверенизации, деглобализации, росте популизма, международной нестабильности и кризисе международных институтов шли давно, пандемия лишь проявила их более чётко. В связи с обозначенными вызовами перед странами Евразии, с одной стороны, встаёт вопрос о поиске новой роли государства, а с другой – о смене модели взаимодействия с внешним миром.

Несмотря на удручающую статистику (пост)коронавирусного мира, важно помнить, что накоплены не только проблемы, но и инструменты для их решения. У стран Евразии, многие из которых прошли процесс перехода от социалистической модели экономики к рыночной, есть кумулятивный запас адаптивности к меняющимся условиям. Кроме того, на фоне пережитого сложного опыта присутствует готовность признавать ошибки – в том числе в плане идей, убеждений и их имплементации. Это выгодно отличает их от многих стран Запада, которые до сих пор уверены в непогрешимости своей модели и которым ещё предстоит жёсткий психологический переход от «только так правильно, делайте как я» к более гибким формам взаимодействия.

Современный кризис для стран Евразии – это возможность проверить свои убеждения на подлинность – по поводу эффективности различных режимов, ценности свободы по сравнению с физическим выживанием, способов устройства общества, моделей экономики (например, ранее считалось приоритетным развитие сферы услуг, однако пандемия показала сильную уязвимость стран, чья экономика зависит от туризма). Представляется целесообразным перестроить экономики с учётом изменившихся условий и технологий, сделать их более диверсифицированными и устойчивыми к новым вызовам, а также пересмотреть государственную политику на предмет выработки более эффективных практик в глобализированном мире.

Что касается внешних вызовов, главным из них обещает стать противостояние КНР и США. Страны мира, привыкшие в последние десятилетия жить в парадигме сотрудничества, уже начинают сталкиваться с дилеммой выбора партнёра. Для государств Большой Евразии эта проблема также будет актуальна, и важно решить её с минимальным ущербом.

Новую форму приобретает проблема лидерства. Неоднократно в экспертной среде звучало мнение об «измельчании элит»: отчасти, возможно, это следствие повышения уровня образования и расши-

рения возможностей для всех людей мира – раньше контрасты были более заметными (по аналогии с силой Америки – возможно, не она стала слабее, а другие сильнее). Тем не менее современные элиты выглядят неподготовленными для решения крупных проблем. И нет лидера такого масштаба и авторитета, который взял бы на себя ответственность за выработку стратегии²¹.

Подспудно в «незападном» дискурсе в последние годы велась защита многополярности и возможности услышать голос каждого. С учётом отсутствия одного сильного лидера, возможно, в этом и есть решение кризиса. При высокой неопределённости нет готового рецепта – его нужно вырабатывать совместно, в дискуссиях и спорах, задействуя существующие технологии и международные платформы. В таких обсуждениях важно уделить внимание анализу потенциальных скрытых угроз, многие из которых находятся в сфере нетрадиционных вызовов безопасности. Необходимо своевременно фиксировать симптомы и реагировать на них, опираясь на анализ *big data*.

Серьёзная проблема либо объединяет людей, либо разъединяет их ещё сильнее. Каким будет ответ Евразии «всадникам Апокалипсиса» и какой судьбы мы хотим для неё? Выбор за нами.

По законам фастфуда

Григорий Калачигин

Стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований, Факультет мировой экономики и мировой политики, аспирант Кафедры торговой политики Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В рамках ролевой игры «Евразийский узел: идеальный шторм» мне довелось быть участником команды, представляющей один из комитетов ООН. На протяжении всей игры мы разрабатывали адекватные и необходимые решения для разрешения рассматриваемого нами

²¹ «Не одичать в “осыпающемся мире”». Презентация Валдайского доклада. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2020. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/ne-odichat-prezentatsiya-vneocherednogo-doklada/>

кризиса. Но всё это время в воздухе витала одна и та же фраза «не все стороны согласятся с этим, а по-другому проблему не решить». Другими словами, мы все столкнулись с дефектом работы институтов в лице главного из них – Организации Объединённых Наций.

В силу специализации (торговая политика) я часто участвую в дискуссиях о кризисе другого института – Всемирной торговой организации (ВТО). Корень кризисов обеих организаций лежит в растущей поляризации повесток и позиций вследствие обострения самовосприятия отдельных стран. Это проявляется в усугублении национального эгоизма, неспособности и/или неготовности государств выполнять взятые на себя обязательства и так далее. В размышлениях о том, что должно произойти для нивелирования такого эффекта, я пришёл к выводу (возможно, банальному), что миру необходим массивный шок. Для ВТО таким шоком, как ни странно, были события 11 сентября 2001 г.²² – стороны на время (слишком короткое) забыли о своих противоречиях и начали новый раунд многосторонних переговоров (Доха-раунд²³). Для сферы международных отношений одним из таких шоков была Вторая мировая война. Однако Третья мировая, вспыхни она сейчас, вряд ли привела бы к аналогичным институциональным последствиям, в том числе из-за иного характера и последствий, в корне отличающихся от тех, что имели место в прошлом веке.

Возникает вопрос – какой кризис способен подтолкнуть к восстановлению шаткого единства сторон? Борьба с терроризмом больше таковым не является: военные кампании против ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в России – *прим. ред.*) на Ближнем Востоке являются прямым доказательством этому. Кто-то может предположить, что так называемый коронакризис, вызванный распространением *COVID-19*, и представляющий угрозу для всех в равной степени, мог бы послужить триггером примирения. Но реальность уже успела опровергнуть это предположение: множатся примеры охоты на ведьм и поиска виноватых в пандемии, что, несомненно, приводит к ещё большей дивергенции. Таким образом, мы будем оставаться свидетелями «осыпающегося мира» до тех пор, пока не грянет гром. Правда, неясно, какой.

²² Многие утверждают, что запуск Доха-раунда в ноябре 2001 г. был стимулирован необходимостью продемонстрировать «единство сторон», несмотря на все существующие противоречия, которые не дали запустить раунд двумя годами ранее на министерской конференции в Сиэтле.

²³ Доха-раунд продолжается до сих пор (изначально должен был завершиться в 2005 году). Основной причиной является необходимость принятия решения консенсусом при существенном различии позиций членов по каждому из вопросов.

С другой стороны, погрузившись в предлагаемую нам кризисную ситуацию, мы могли убедиться в необходимости учёта позиций сторон, находящихся вне рассматриваемого региона (в рамках ролевой игры им был Европейский союз). Возможно, причиной этого являются обстоятельства, описанные в концепциях «Хартленда» или «Римланда». Несомненным является то, что многие крупные игроки заинтересованы в распространении влияния в Евразии: Россия, Китай, ЕС, США и так далее. И если раньше мир можно было условно поделить на сторонников капитализма/социализма и неопределившихся (в силу наличия существенных различий в концепциях развития), то сейчас все страны предпочитают гибкий подход. Он заключается в попеременном изменении ключевых позиций в отношениях с третьими странами, он присущ как крупным, так и малым державам.

Напрашивается странная параллель: «соперничество/сосуществование» множества игроков в регионе напоминает агрессивную маркетинговую стратегию «Бургер Кинга» в России по отношению к «Макдоналдсу». В своё время я обратил внимание, что если где-то появляется новое кафе «Бургер Кинг», наверняка поблизости уже долгое время существует «Макдоналдс». Таким образом «Бургер Кинг» расширял свою долю на рынке не столько за счёт создания новых точек, сколько благодаря переманиванию аудитории у близ располагающегося конкурента. Отдельные рекламные кампании «Бургер Кинга» содержали крайне провокационные отсылки к «Макдоналдсу», подчёркивая соперничество.

Обе упомянутые компании предлагают потребителям практически идентичные продукты. Так и в Евразии: все крупные державы имеют свой «пакет предложений», а страны пытаются балансировать между ними, исходя из текущих вкусовых предпочтений или в надежде на новую акцию со стороны их конкурентов.

Пандемия коронавируса не изменила ситуацию: страны рады получить любую помощь в виде медикаментов, оборудования и так далее вне зависимости от их источника: если вы голодны, а «Бургер Кинг» и «Макдоналдс» предлагают бесплатный бургер или картошку фри (даже если вы предпочитаете ролл и картошку по-деревенски) – вы пойдёте в рестораны быстрого питания. Однако после завершения «акции невиданной щедрости» в связи с преодолением пандемии вы вернётесь к учёту своих предпочтений и осуществлению выбора на его основе.

Именно поэтому антикризисное управление зависит целиком и полностью от текущих взаимоотношений между странами региона и внешними игроками, так как ни один из действующих институтов (в силу своей несостоятельности на современном этапе) не может выступать в качестве эффективного связующего звена. В связи с этим система крайне непредсказуема и податлива к внешним влияниям.

Евразия после «коронакризиса»

Александр Королёв

Младший научный сотрудник Иberoамериканского сектора Центра комплексных европейских и международных исследований, Факультет мировой экономики и мировой политики, преподаватель Департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Вспышка пандемии *COVID-19* и последовавший за ним коронакризис застал врасплох большинство стран мира, поставив под вопрос, по крайней мере, на время, восстановление или развитие национальных экономик, реализацию масштабных инфраструктурных проектов и проведение политических реформ.

Сам по себе коронакризис – феномен долгосрочный, комплексный и весьма противоречивый. С одной стороны, он уже спровоцировал «гонку антикризисных программ» по всему миру, и в Евразии в частности, вынуждая страны концентрировать ресурсы на внутренней трансформации и вырабатывать механизмы адаптации к новым условиям. Например, Китай принял широкий спектр мер для борьбы с пандемией. Они включают налоговые послабления и различные системы субсидирования для предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса, финансовую поддержку специальных экономических зон и зон приграничного сотрудничества, снижение ставок для коммерческих банков и другие.

Любопытны меры и на уровне региональных интеграционных объединений Евразии. Так, в ЕАЭС принято решение о создании «зе-

лёного коридора» для импорта критически важных товаров, включая обнуление пошлин и упрощение таможенных процедур, временный запрет на их экспорт в третьи страны, обеспечение бесперебойной работы транспорта и грузоперевозок (как в пределах Союза, так и транзитные), увеличение объёмов экспортных кредитов и их страхование в целях поддержания взаимной торговли. Что касается другого объединения, АСЕАН, то здесь одним из ключевых инструментов борьбы с пандемией стали активизация или инициирование деятельности ряда механизмов. Среди них – Совещание старших должностных лиц АСЕАН по вопросам развития здравоохранения, формат АСЕАН+3 (Япония, Китай, Южная Корея) и совместная инициатива по созданию Фонда реагирования АСЕАН *COVID-19*, Виртуальный центр АСЕАН для анализа и визуализации больших данных (*ASEAN BioDiaspora*) – ведение статистики по количеству заражённых, сеть лабораторий общественного здравоохранения АСЕАН – оперативное реагирование на все возникающие угрозы и другие.

Таким образом, вспышка коронавируса стала своеобразной проверкой на прочность стратегий развития ряда стран и объединений. Кроме того, она вынудила их обратить более пристальное внимание на ряд вопросов, которые зачастую отходят на второй план или вообще выпадают из поля зрения международных отношений, а именно – прочность систем здравоохранения, гибкость и реактивность антикризисных фондов, национальных и региональных институтов развития и так далее. В этом отношении текущий коронакризис может укрепить «государственный иммунитет» и усилить механизмы амортизации, что в будущем позволит если не предотвратить возникновение новых очагов эпидемии, то, по крайней мере, купировать негативные последствия на ранней стадии.

С другой стороны, коронавирус привёл к усугублению национального эгоизма и стал катализатором разногласий на мировой арене, прежде всего, между США и Китаем, которые перешли от торговой войны к «пандемической». При этом противостояние принимает разнообразные формы – от устных обвинений в адрес Китая до законопроектов о санкциях против КНР за вспышку коронавируса и угроз разорвать торговые отношения с Поднебесной. Обострение этой конфронтации станет одним из наиболее важных системных факторов дальнейшего развития Евразии, в особенности малых и средних стран. В обозримом будущем мы сможем наблюдать обмен санкционными любезностями, а также новую и, возможно, более глубокую стадию торговой войны с Китаем, что подчинено внутри-

политической логике Соединённых Штатов – необходимости американских политиков набрать дополнительные голоса в преддверии ноябрьских выборов.

Безусловно, углубление торговых разногласий между США и КНР создаёт определённые преимущества для евразийских держав по части замещения ниш и увеличения экспортных поставок. Одновременно с этим большинство региональных игроков признаёт на официальном уровне, что рост великодержавного соперничества является серьёзным вызовом и ставит страны и интеграционные объединения в уязвимое положение. На этом фоне характерно совместное заявление лидеров государств – членов ЕАЭС, сделанное в ходе рабочей встречи Высшего евразийского экономического совета 14 апреля 2020 года. Оно чётко свидетельствует о переплетении повестки коронакризиса и других внешнеэкономических вызовов, включая санкции и торговые войны, и об осознании необходимости выработки общих антикризисных мер, которые носят универсальный и долгосрочный характер.

Наряду с этим, коронакризис и другие внешнеэкономические шоки нанесли серьёзный удар по мировой торговле за счёт изменения динамики спроса и предложения. По данным ВТО, при самом оптимистичном сценарии сокращение объёмов торговли по итогам 2020 г. составит 13%, а в 2021% и вовсе превысит 21%. Кроме того, нарушение глобальных цепочек добавленной стоимости из-за вспышки коронавируса привело к существенным потерям для евразийских производителей, ориентированных на китайский рынок. В результате жёстких карантинных мер пострадали компании из России, Индии, Малайзии, Вьетнама и ряда других евразийских стран. Подобная ситуация, являясь тревожным сигналом для многих, создаёт запрос на большую внешнеэкономическую самостоятельность государств на пространстве Евразии. Отдельным странам нужна диверсификация торговых потоков, а интеграционным объединениям, например, ЕАЭС и АСЕАН – развитие внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости.

Таким образом, торговые и пандемические войны, масштабы которых ещё предстоит узнать, всерьёз ставят перед малыми и средними государствами Евразии вопрос о необходимости проводить более сбалансированную и гибкую политику для снижения зависимости и уязвимости от противостояния великих держав и более успешной адаптации к новым вызовам.

Китай и будущая расстановка сил в Центральной Азии

Алексей Степанов

*Научный сотрудник Отдела военно-политических исследований
Института США и Канады Российской академии наук*

Одним из самых ярких выводов, которые я для себя сделал по завершении ролевой игры, стало то, что каждой из сторон важно защищать свои собственные, причём необязательно долгосрочные, интересы даже на фоне многосоставного кризиса, угрожающего в той или иной степени всем задействованным сторонам. Эта ситуация является частным случаем нерационального эгоистичного поведения наподобие модели «трагедии общин». Пандемия *COVID-19* в реальности продемонстрировала, что руководители большинства стран мира не стремятся объединять усилия, что приводит к дальнейшему раздроблению системы международных отношений.

В XXI веке в мире возникало несколько опасных эпидемий, помимо *COVID-19*, включая «атипичную пневмонию» (*TOPC*), ближневосточный респираторный синдром (*MERS*), лихорадку Эбола. Возбудители первых двух заболеваний являются коронавирусами. *COVID-19* как наиболее масштабная из этих эпидемий не породила сотрудничества крупных государств, необходимого в сложной ситуации. Крупнейшие державы предлагают помощь в борьбе с вирусом менее развитым экономикам, но зачастую лишь с целью укрепить своё влияние по сравнению с другими конкурентами. Такое поведение демонстрируют в том числе и самые крупные мировые игроки: США и Китай, для которых пандемия послужила одним из поводов для наращивания соперничества. Другой крупнейший актер – Европейский союз, тоже переживает события, способствующие разобщению его членов на фоне угрозы пандемии. Таким образом, *COVID-19* становится фактором трансформации существующей модели глобализации, причём разрушающие прежнюю систему акторы до недавнего прошлого были её главными сторонниками. Одновременно пандемия наглядно демонстрирует, что сотрудничество государств и укрепление международных институтов является наиболее эффективным способом борьбы с подобными кризисами.

Пандемия *COVID-19* продемонстрировала усугубление негативных политических процессов, имевших место задолго до её начала. Одна из групп проблем связана с ростом унилатерализма и популизма в мире. «Отменить» глобализацию невозможно – хотя бы из-за продолжающегося технического прогресса, обеспечивающего взаимосвязанность современного мира, но ключевые мировые игроки стремятся к обеспечению национальных интересов в надежде получить максимальную выгоду и обрести как можно большую свободу для манёвра. В результате страдает межгосударственное сотрудничество, международные проекты и институты. Это может привести к кризисным последствиям, прежде всего, связанным с экономическим неблагополучием – таким, как рост бедности, голод, упадок систем здравоохранения, экологические катаклизмы и так далее. Также есть вероятность того, что перераспределение силы в пользу Китая и других стран АТР будет продолжено, что приведёт, например, к изменению направления миграционных потоков и потоков беженцев.

В основе ролевой игры лежал потенциальный конфликт в регионе, напоминающем Центральную Азию. При этом вне зависимости от внешних кризисов его пронизывают глубокие внутренние противоречия. Они связаны, прежде всего, с политическими (стремление укрепить свой суверенитет и различие приоритетов внешней политики), историческими (наличие территориальных споров, порождающих приграничные конфликты), географическими (неравномерное распределение водных и других природных ресурсов) причинами, а также с внутренними конфликтами различного, в том числе этнического, характера.

В реальной жизни наиболее активно свой суверенитет отстаивают Казахстан и Узбекистан, претендующие на лидерство в регионе. Казахстан является экономическим лидером, Узбекистан – страна с самым большим населением и мощными вооружёнными силами. Эти страны выбрали разные векторы своей внешней политики. Казахстан проводит многостороннюю внешнюю политику, опирающуюся на сближение с Россией и КНР, имеет тесные экономические связи с Россией и поддерживает предлагаемые ей форматы экономического и военного сотрудничества. Узбекистан же предпочитает дистанцироваться от Москвы во внешней политике.

Что касается территориальных споров, самые острые из них вспыхивают между странами, чьи границы расположены в Ферганской долине, то есть Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном.

Конфликты местных жителей нередко переходят в пограничные столкновения, за которыми следуют периоды обострения региональной напряжённости. Водные ресурсы региона крайне ограничены и сосредоточены в бассейнах рек Сырдарья и Амударья, что удачно показано в имитационной игре, как и то, что большая часть этих ресурсов контролируется странами с относительно небольшим населением – Киргизией и Таджикистаном. В зависимости от этих стран находятся густонаселённые государства, находящиеся ниже по течению этих рек, такие как Казахстан и Узбекистан. Большую опасность представляет угроза распространения экстремизма и терроризма из соседнего Афганистана, особенную озабоченность по этому поводу высказывают Узбекистан и Таджикистан.

Кроме того, влияние на расстановку сил в регионе оказывает присутствие внерегиональных держав. Особенно заметен рост влияния Китая, который стал крупнейшим торговым партнёром и источником инвестиций. Критическое значение имеют возрастающие энергетические связи между КНР и странами региона. Так, на государства Центральной Азии приходится более 15% импорта природного газа в Китай. Одновременно с этим сокращаются поставки газа в Россию. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути» изначально был привлекательным для руководства стран региона. Если Россию ждёт усугубление экономического кризиса, вызванного пандемией, предложенные Китаем проекты экономической интеграции и инфраструктурного развития станут ещё более привлекательным в плане удовлетворения экономических нужд стран региона, учитывая зависимость Центральной Азии от экспорта природных ресурсов и растущих потребностей Китая в природном газе, нефти и металлах. Однако тот факт, что целью китайских инвестиций являются, в основном, объекты топливно-энергетического сектора, ведёт к несбалансированности экономических отношений. В будущем эта тенденция, вероятно, сохранится с расширением масштабов строительства транспортной и, возможно, жилой инфраструктуры и будет способствовать сохранению «перекоса» региональных экономик в сторону топливно-энергетического сектора. Кроме того, с ростом притока промышленных товаров из Китая есть вероятность, что собственная производственная база региона, особенно в том, что касается изготовления товаров широкого потребления, будет сокращаться. Пандемия может привести к тому, что КНР станет одним из главных источников внешних займов. Кроме того, она, вероятно, займёт лидирующую роль на региональном рынке медицинского оборудования.

Несмотря на поддержку со стороны элит, в регионе наблюдаются антикитайские настроения, которые, возможно, будут нарастать. Люди опасаются неконтролируемого притока китайских рабочих на строительство инфраструктурных объектов в рамках ЭПШП. Кроме того, политика Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе негативно воспринимается преимущественно мусульманским населением Центральной Азии. Вероятно, расширение экономического присутствия Китая в регионе будет сопровождаться его растущим вмешательством во внутренние дела государств. Поэтому последние могут прибегнуть к стратегии балансирования между крупнейшими игроками – Китаем и Россией. В том числе из-за недовольства местного населения и давления снизу.

Новая политико-экономическая ситуация в мире и в Центральной Азии может бросить вызов и российско-китайским отношениям. Несмотря на то, что антироссийская политика Запада и растущая потребность Китая в энергоносителях во многом способствовали значительному сближению двух стран, некоторые эксперты полагают, что между Москвой и Пекином существует взаимное недоверие. Россия благожелательно относится к китайским инфраструктурным проектам на малонаселённом и слабо развитом в этом плане Дальнем Востоке, но обеспокоена растущим влиянием в Центральной Азии, способным изменить существующий баланс сил. Уже возникали прецеденты, когда Россия выражала несогласие с региональными инфраструктурными и другими экономическими проектами под эгидой Китая. В случае сокращения внешнеполитического влияния на регион, политика России в отношении Китая может стать более жёсткой. Не исключено возникновение антагонизма между Евразийским экономическим сообществом и китайскими интеграционными проектами в рамках ЭПШП.

Однако существует ряд факторов, способствующих сохранению Россией значимых позиций. Во-первых, это значительная роль страны на нефтяном рынке региона и завязанность на неё ключевых элементов нефтяной инфраструктуры. Таджикистан и Киргизия получают из России более 90% импортируемой нефти. Во-вторых, это зависимость экономик Центральной Азии, особенно Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, от заработков трудовых мигрантов из этих стран в России. Хотя с усугублением экономического кризиса в России объём денежных средств, пересылаемых мигрантами на родину, будет сокращаться, альтернативные по доступности трудовые рынки вряд ли появятся в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Сохранятся, хотя, возможно, ослабят своё влияние, экономические и военные структуры под эгидой России, такие как ЕАЭС и ОДКБ. Как было продемонстрировано в ходе ролевой игры, субъектность этих институтов под вопросом, что может иметь негативные последствия для урегулирования региональных кризисов. В отличие от России Китай пока не имеет там какого-либо военного присутствия. Кроме того, Россия сохраняет в регионе потенциал использования «мягкой силы» через традиционные культурные связи. Многие жители региона знают русский язык. Представители старшего поколения истеблишмента выросли и получили образование в Советском Союзе. Однако новое поколение политических лидеров гораздо хуже владеет русским языком и не сохраняет культурную ориентацию на Россию, что было высказано одним из участников конференции перед началом ролевой игры. Во всех странах региона присутствует русскоязычное население из этнических русских, которое, однако, со временем сокращается.

Влияние Соединённых Штатов в регионе после вывода войск НАТО и закрытия американской авиабазы «Манас» минимально. В 2011 г. США предложили инициативу «Нового шёлкового пути», способствующего торговому и инфраструктурному развитию Афганистана и стран Центральной Азии, однако проект не был реализован из-за недостатка финансирования. В то же время США поддерживают строительство газопровода ТАПИ (Туркмения, Афганистан, Пакистан, Индия). В связи с пандемией Вашингтон предложил странам региона финансовую помощь. Возможно, что из-за всё более заметного присутствия Китая в регионе некоторые страны захотят пойти на сближение с Соединёнными Штатами, чтобы уравновесить влияние Пекина.

Перемены в международно-политической и экономической ситуации в мире могут привести к изменению расстановки сил касательно влияния в регионе других стран, таких как Европейский союз, Турция, Иран и других.

Большая Евразия: пока больше вызовов

Ниведита Капур

Младший научный сотрудник программы стратегических исследований в Исследовательском фонде Observer (Индия)

Ещё до пандемии *COVID-19* мир сталкивался с вопросом о будущем международного порядка, поскольку как восходящая (КНР), так и утвердившаяся (США) державы боролись за укрепление позиций и расширение влияния. Ожидается, что кризис только усугубит это бурление в мировом порядке, поскольку обострение соперничества между Соединёнными Штатами и Китаем неизбежно, даже если пока не ясно, что придёт на смену американской гегемонии после окончания этой «холодной войны». До настоящего времени понятная многополярность не установлена, в то время как либеральный мировой порядок и его институциональные механизмы сталкиваются с возрастающим стрессом.

Тем не менее изменение соотношения сил в сторону Азии очевидно уже довольно давно – с тех пор, как глобальное геополитическое и геоэкономическое влияние стало перемещаться на Восток. Этот период также характеризовался усилиями по реформированию международных институтов, созданию новых многосторонних организаций и реализации грандиозных проектов по расширению стратегического влияния.

На фоне этого состояния непрерывного изменения Россия совершила свой поворот на Восток, движимая как внутренними побуждениями к экономическому развитию, так и растущей важностью Азии для мира. Разрыв отношений с Западом в 2014 г. лишь дал дополнительный импульс азиатскому вектору российской внешней политики. Китай между тем превратился в ключевого партнёра России. Таким образом был обеспечен устойчивый рост политических, экономических и оборонных связей между ними. Россию и Китай также объединяет сходство взглядов: недопустимость унилатерализма, уважение взаимного суверенитета и невмешательство во внутренние дела. Несмотря на асимметрию потенциалов в этом партнёрстве, оно продолжало укрепляться, лишь немного не дотягивая до союзнических отношений. Перемены проявились не только в повороте России на Восток, который многие связывали, прежде всего, с Китаем, но также и в появлении концепции Большой Евразии.

Эта концепция вдохновлена вековой идеей о том, что Россия занимает уникальное положение благодаря своей географии и является мостом между Европой и Азией. В постсоветский период министр иностранных дел Евгений Примаков сосредоточил внимание на евразийстве при выстраивании сбалансированной внешней политики для России. Исходя из особенностей меняющейся региональной и глобальной обстановки, Россия весьма прагматично решила возродить свою евразийскую идентичность, чтобы достойно встретить вызовы формирующегося мирового порядка.

В 2016 г. в ходе Петербургского международного экономического форума президент России Владимир Путин объявил об идее Большой Евразии, которая с тех пор была названа интеграционным проектом от Атлантики до Тихого океана²⁴. Это предполагает сотрудничество Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с ШОС, АСЕАН и ЕС. Россия стремилась к сотрудничеству с широким кругом игроков, в том числе с Китаем, Индией, Европой, Южной Кореей, Пакистаном и Ираном для создания широкого партнёрства.

При этом, как отмечено выше, отношения с Китаем стали главными в реализации более широкого евразийского партнёрства, которое планировалось достичь путём объединения ЕАЭС и китайской инициативы «Экономический пояс Шёлкового пути». Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем должно было стать основой для всеобъемлющего евразийского партнёрства в формате «5 плюс 1». Таким образом, в центре концепции Большой Евразии Россия видит ЕАЭС – экономический союз, 90% ВВП которого приходится на неё саму. В то же время следует помнить, что Большая Евразия является не только экономической, но и политической стратегической концепцией, следовательно, для достижения поставленных целей потребуется больше, чем экономический союз.

От концептуализации к реализации

Теперь, когда Россия сформулировала своё видение Большой Евразии, важно рассмотреть эффективность её столь амбициозной инициативы и вызовы, которые внутренняя, региональная и глобальная ситуации поставят перед ней. Россия решила направить

²⁴ Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем. Журнал «Россия в глобальной политике», №5, сентябрь/октябрь, 2019. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/>

усилия на создание Большой Евразии, что включает (а) укрепление двусторонних связей России с другими важными региональными государствами, находящимися на этих географических просторах, и (б) улучшение многосторонней координации между членами ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и ЕС. Обе эти цели бросают России серьёзные вызовы, преодоление которых будет иметь решающее значение для построения Большой Евразии.

При выстраивании двусторонних отношений со странами от Атлантического до Тихого океана России придётся приложить огромные усилия, чтобы охватить региональные государства на этой огромной территории, включающей регионы Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной, Центральной, Западной Азии и Европы. Сейчас связи России с государствами по всей этой географии – не говоря уже о её внутренних возможностях их улучшить – сильно различаются.

Например, Россия является важным партнёром для стран Центральной Азии. Она смогла восстановить своё присутствие в Западной Азии, превратившись в ключевого игрока в делах этих регионов. Выстроила взаимовыгодные отношения с Китаем в Центральной Азии для поддержания мира и безопасности в регионе. Это стало основой для объединения усилий ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь», поскольку данный регион находится на стыке ключевых путей, соединяющих Европу и Азию.

Отношения России с Европой продолжают оставаться напряжёнными и ещё не восстановились после кризиса 2014 года. Хотя восточный вектор российской внешней политики не является новым явлением, разворот на Восток получил импульс только после саммита АТЭС 2012 года. Последовавшие за этим события на Украине означали, что поворот стал решающим. Однако реализация широко разрекламированного поворота имела неоднозначные результаты. Россия постоянно испытывает опасения из-за чрезмерной зависимости от Китая, а её присутствие как в Южной, так и в Юго-Восточной Азии оставляет желать лучшего. Китай, в свою очередь, стал центром политики Большой Евразии. И Россия вынуждена будет искать баланс между выстраиванием стратегического партнёрства с восходящей сверхдержавой и стремлением к тому, чтобы асимметрия потенциалов не оказывала негативного влияния на реализацию её собственных национальных интересов. Это станет ещё более сложной задачей, если сбудутся предсказания об обострении соперничества между США и Китаем в постпандемическом мире, что создаст дополнительные угрозы для глобальной стабильности.

Если Россия хочет укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ей необходимо развивать отношения с Индией, особенно в экономической сфере. Отношения с Китаем претерпели качественные изменения с 2014 г., но с Индией этого не произошло. Усилия также были осложнены быстрыми переменами региональной ситуации, которые привели к значительным сдвигам в политическом курсе Индии и других региональных государств. Провозглашение концепции Индо-Тихоокеанского региона порождает ещё один вызов, с которым придётся столкнуться России при строительстве Большой Евразии: конкурирующие взгляды на обширное географическое пространство, которое, по мнению Москвы, станет частью Большой Евразии.

США, Индия, Япония, Австралия и АСЕАН имеют собственное видение идеи Индо-Тихоокеанского региона. В последней американской Стратегии национальной безопасности Китай и Россия названы ревизионистскими державами, однако другие страны отказываются принимать подобную терминологию и предлагают собственное понимание Индо-Пацифики. Государства региона демонстрируют готовность принять концепцию ИТР в целом, хотя между их итерациями есть различия, поскольку средние государства стремятся избежать явных конфликтов и при этом регулировать поведение крупных держав. Если Россия хочет построить Большую Евразию, ей придётся участвовать в региональных дебатах, несмотря на её сдержанное отношение к этой концепции. Как отмечают некоторые учёные, Россия выиграла бы от принятия идей, не являющихся конфронтационными по своей природе, например, выдвигаемыми АСЕАН и Индией. В складывающейся ситуации огромное значение для России могут иметь связи с Японией и Южной Кореей. Являясь державой, которая больше не устанавливает правила в Азии, Россия должна будет восстановить своё взаимодействие с региональными игроками.

Усугубление биполярного соперничества между США и Китаем после пандемии осложнит российское присутствие в регионе. Хотя отношения с КНР в высшей степени важны для России, ей придётся продемонстрировать свою независимость от этой восходящей державы, особенно если она захочет, чтобы её рассматривали в Восточной Азии как нейтральное государство. Ухудшение отношений с Соединёнными Штатами ограничило её возможности в Юго-Восточной Азии, где двусторонние и многосторонние связи России остаются достаточно скромными.

Помимо преодоления проблем, связанных с улучшением двусторонних отношений, российское видение Большой Евразии должно учитывать динамику многосторонних организаций, которые она стремится задействовать для достижения своих политических целей. К последним, в частности, относятся ЕАЭС, а также ШОС, АСЕАН и ЕС, сложная внутренняя динамика и различающиеся цели которых требуют искусного лавирования для налаживания связей между ними.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был создан в 2015 году. Его членами в настоящее время являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Узбекистан, желая сохранить тесные экономические связи с Россией и Китаем, недавно подал заявку на получение статуса наблюдателя, прежде чем принять решение о членстве. Таджикистан выразил заинтересованность в присоединении, Туркменистан продолжает придерживаться нейтральной позиции по отношению к организации. Корни ЕАЭС исторически уходят в Таможенный союз, образованный в 1995 г., впоследствии переросший в Евразийский союз, который, как предполагалось в 2011 г., должен был стать мощной наднациональной ассоциацией, одним из полюсов современного мира, выступая в качестве моста между Европой и динамично развивающимся Азиатско-Тихоокеанским регионом. С момента своего образования ЕАЭС стал главной стратегической инициативой России в регионе в экономической сфере и координационным центром её экономических взаимодействий с государствами и многосторонними институтами.

Однако России не удалось убедить членов ЕАЭС двигаться в направлении политической интеграции, поскольку последние по-прежнему настороженно относятся к любым политическим объединениям и неизменно сопротивляются шагам, которые могут поставить под угрозу их суверенитет. К тому же государства – члены ЕАЭС стремятся диверсифицировать собственную внешнюю политику. Например, Казахстан, помимо двусторонних отношений с Китаем, активно налаживал связи с США и Евросоюзом, которые являются основными инвесторами в этой центральноазиатской стране. Белоруссия, несмотря на свою зависимость от России, сопротивляется формированию более тесного Союзного государства с Россией, стремясь расширить сотрудничество с США и ЕС.

В настоящее время торговля внутри ЕАЭС остаётся относительно низкой, хотя подписаны соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией и Ираном, а также ведутся переговоры с Индией, Египтом, Израилем и другими. Всё это происхо-

дит на фоне стремления России улучшить координацию между ЕАЭС и АСЕАН. Во время саммита «Россия – АСЕАН» в 2018 г. подписан меморандум о взаимопонимании по расширению экономического сотрудничества между двумя организациями, что свидетельствует о ведущей дипломатической роли России в ЕАЭС.

Это отрядный шаг – АСЕАН приветствует налаживание связей с разными государствами в регионе, поскольку взаимозависимость способствует предотвращению конфликтов, особенно в период нестабильности. Однако, учитывая слабые экономические связи России с регионом и характер российского взаимодействия с АСЕАН, ЕАЭС придётся преодолевать слабость связей своего ведущего игрока в регионе. Страны АСЕАН сомневаются в способности ЕАЭС и России запустить достаточно проектов в регионе, укрепить экономические связи и диверсифицировать существующий торговый портфель.

Что касается ШОС, то эта организация оказывала ограниченное влияние на региональную безопасность из-за недоверия, царящего между её государствами-членами. Включение Индии и Пакистана в организацию, несмотря на отдельные преимущества, делает достижение внутренней сплочённости ещё более сложным ввиду напряжённого характера индо-пакистанских отношений. Принимая во внимание взаимное стремление Индии и Китая влиять друг на друга, формирование общей повестки дня ШОС для сотрудничества с ЕАЭС будет непростой задачей, в особенности учитывая активное сотрудничество между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь» и открытое противодействие последней со стороны Индии. Пока непонятно, на каких условиях возможно достижение соглашения о сотрудничестве между ШОС и ЕАЭС. Ранее Россия отклоняла предложение Китая о том, что нужно сосредоточиться на экономических проблемах путём создания банка и зоны свободной торговли в рамках ШОС, стремясь сфокусировать отношения на вопросах безопасности.

Отношения с Европейским союзом также далеки от удовлетворительных, кризис 2014 г. так и не преодолен. Потребуется план действий на этом фронте, учитывая, что Евросоюз также считается частью концепции Большой Евразии.

* * *

Хотя в отношении концепции Большой Евразии был сделан ряд заявлений, детали, касающиеся конкретного сотрудничества на ме-

стах, остаются неясными. Независимо от того, касается ли это сопряжения ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь» или сотрудничества с другими многосторонними институтами, концепция остаётся достаточно неопределённой²⁵.

Рецессия и падение цен на нефть угрожают усугубить проблемы российской экономики, уже борющейся с низкими темпами роста и стагнирующими доходами. Если не будут проведены структурные реформы, это будет иметь далеко идущие последствия для её стратегических внешнеполитических концепций. Слабость российской экономики и сегодня препятствует успешной реализации её поворота на Восток, и сохранение этих тенденций подрывает способность России успешно действовать в Евразии.

Концепция Большой Евразии выглядит достаточно обоснованной – стремление использовать российскую географию, чтобы стать центром растущего региона. Однако из-за отсутствия сбалансированной многовекторной политики и устойчивого внутреннего экономического роста амбиции России трудно реализовать. Хотя Китай останется главным партнёром России в краткосрочной и среднесрочной перспективе, ей необходимо укреплять внутренние возможности и создавать коалиции по всем направлениям как с помощью двусторонних, так и многосторонних средств, которые будут служить плацдармом для реализации концепции Большой Евразии.

На данный момент Большая Евразия находится в стадии разработки, и, несмотря на смелость задумки, она столкнётся с рядом противоречий на местах – даже после перестройки регионального и мирового порядков. Если Россия не сможет ответить на эти вызовы, ей придётся умерить амбиции Большой Евразии и пересмотреть свои внешнеполитические цели в обновлённом формате.

²⁵ Бордачёв Т.В. Большая Евразия: что ещё не сделано? Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2019. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshchye-ne-sdelano/>

После пандемии: Южная Корея и будущее Евразии

Вусик Ю

Старший научный сотрудник Центра стратегии международного развития Высшей школы международных исследований Сеульского национального университета (Республика Корея)

Хансол Ли

Ассистент кафедры маркетинга экономического факультета Российского университета дружбы народов

Не утихают споры о том, хорошо ли Южная Корея справилась с коронавирусной инфекцией COVID-19. На этот вопрос нет окончательного ответа. Похоже, многие в мире высоко оценили южнокорейскую стратегию и даже попросили поделиться опытом: например, Стеф Блок, министр иностранных дел Нидерландов, и Эрик Гарсетти, мэр Лос-Анджелеса, предложившие провести видеоконференцию по обмену опытом Южной Кореи. В ходе беседы мэр Сеула Пак Вон Сун рассказал о профилактических действиях Сеула мэрам 45 городов по всему миру, включая Лондон и Милан²⁶. Майкл Райан, исполнительный директор Программы ВОЗ по чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения, похвалил действия Южной Кореи, сказав, что всё было сделано как по учебнику, и результат был успешным²⁷. Администрация президента Республики Корея также дала сравнительную оценку действий РК и других стран и заявила, что обстановка постепенно нормализуется²⁸.

Действительно, по сравнению с другими странами Южной Кореи удалось быстро выровнять кривую числа вновь инфицированных пациентов по сравнению с другими странами (График 1). Кроме того, из таблицы 1 следует, что коэффициент частоты заболеваний в Корею составляет всего 213, что намного ниже, чем в других государствах (Таблица 1)

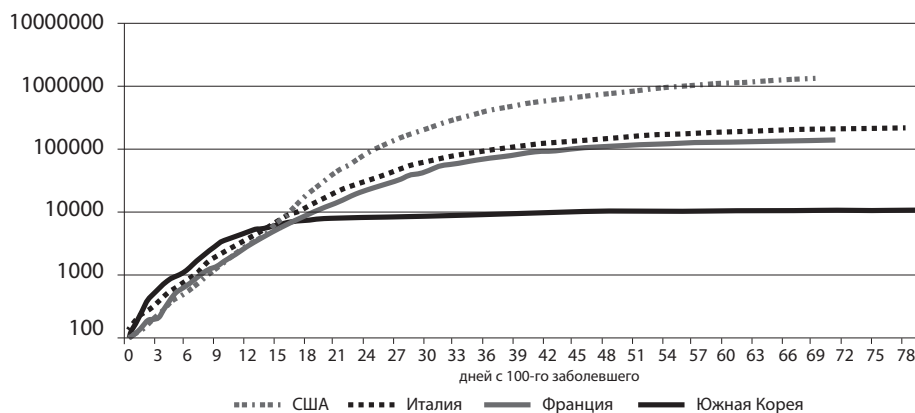
²⁶ Ссылка: <https://www.dailymedi.com/detail.php?number=855503&thread=22r11>

²⁷ Ссылка: <https://www.seoul.co.kr/news/newsView.php?id=20200323002011>

²⁸ Ссылка: http://daily.hankooki.com/lpage/politics/202004/dh20200429172933137450.htm?s_ref=nv

График 1.

Логарифмический тренд заболеваемости COVID-19 в мире на 11 мая 2020 года

Источник: <https://coronaboard.kr/en/>

Таблица 1.

Статистика COVID-19 по странам по состоянию на 11 мая 2020 года

Место	Страна	Заболели	Умерли	Выздор- овели	Смерт- ность [%]	Выздоровле- ние [%]	Частота новых случаев *
1	США	1,367,638	80,787	256,336	5.9	18.7	4,132
2	Испания	264,663	26,621	176,439	10.1	66.7	5,661
3	Велико- британия	219,183	31,855	344	14.5	0.2	3,229
4	Италия	219,070	30,560	105,186	13.9	48	3,623
5	Россия	209,688	1,915	34,306	0.9	16.4	1,437
6	Германия	171,879	7,569	144,400	4.4	84	2,051
7	Бразилия	162,699	11,123	64,957	6.8	39.9	765
8	Франция	139,063	26,380	56,217	19	40.4	2,130
...							
30	Япония	16,489	637	8,778	3.9	53.2	130
...							
39	Южная Корея	10,909	256	9,632	2.3	88.3	213

Источник: <https://coronaboard.kr/en/>

* Коэффициент частоты заболевания: подтвержденные инфицированные / население * 100 000

Южная Корея обладала рядом преимуществ, которые помогли замедлить распространение *COVID-19*. Во-первых, в стране есть производственные мощности для изготовления медицинских масок, потому что в Корее есть давняя проблема микропыли (или мелкодисперсной пыли). Корея – промышленно развитое государство и выделяет большое количество CO_2 , который и создает микропыль. Кроме того, Корейский полуостров расположен к востоку от китайских провинций Хэбэй и Шаньдун, откуда, по мнению ряда учёных, также заносится огромное количество мелкодисперсной пыли²⁹. Из-за этого жители Кореи уже давно носят маски везде, где это возможно. После всплеска *COVID-19* ношение масок стало для корейцев еще более естественной практикой. В Европе и в Соединённых Штатах маска является признаком того, что человек болен, что может оттолкнуть других людей, хотя доказана польза данной профилактической меры в период распространения инфекционных заболеваний.

Корейское правительство быстро осознало важность стабильных поставок масок и запретило экспорт уже 26 февраля, чтобы остановить их вывоз в соседние страны, например, в Китай, который уже испытывал недостаток средств защиты. Кроме того, с 9 марта правительство внедрило систему так называемой «пятидневной ротации»: день покупки масок зависит от последней цифры года рождения покупателя. Например, люди, чей год рождения заканчивается на 5 или 0, могут купить маски по пятницам в любой корейской аптеке³⁰. Эта политика помогла избежать дефицита масок высокого качества (*KF-94* или выше³¹).

Вторая успешная мера – практика «социальной дистанции». Она была реализована в форме правительственной рекомендации по профилактике инфекций в общественных местах. Социальная дистанция предполагает воздержание от участия в массовых мероприятиях и собраниях, но поощряет дистанционную работу из дома. Эти меры были введены 22 марта, когда распространение *COVID-19*

²⁹ “Impact of Chinese air pollutants on a record-breaking PMs episode in the Republic of Korea for 11–15 January 2019”, Oh, Hye-Ryun ; Ho, Chang-Hoi ; Koo, Youn-Seo ; Baek, Kwan-Gu ; Yun, Hui-Young ; Hur, Sun-Kyong ; Choi, Dae-Ryun ; Jhun, Jong-Ghap ; Shim, Jae-Seol (2020), *Atmospheric Environment*, Vol.223 [DOI: 10.1016/j.atmosenv.2020.117262]

³⁰ URL: http://www.arirang.com/News/News_View.asp?sys_lang=Eng&nseq=253896

³¹ *KF* расшифровывается, как «Корейский фильтр». Это оценка качества медицинских масок в Корее. Обычно существует три типа масок *KF*: *KF-80*, *KF-94* и *KF-99*. Числа обозначают производительность фильтра.

ещё продолжалось, и были продлены до 5 мая. В результате все государственные и частные школы и университеты перешли на формат онлайн-лекций, что привело к дефициту веб-камер и росту использования платформ для видеоконференций, таких как *Zoom*, *WebEx* и *Skype*. Кроме того, многие компании, в том числе *Samsung*, *SK Group*, *LG* и *Hyundai Motors*, приняли участие в политике социального дистанцирования и в течение недолгого времени внедрили систему удаленной работы.

В-третьих, национальная корейская система медицинского страхования по месту жительства побудила многих людей с симптомами пройти тестирование на *COVID-19*. В Корее существует система страхования двух типов: страхование по месту работы (схема работодателя) и альтернативное страхование по месту жительства. Это означает, что если вы не трудоустроены, то можете быть включены в систему и получить медицинскую субсидию. Таким образом, обеспечивается широкое страховое покрытие. Поэтому люди не боятся положительного диагноза, стоимость лечения невелика и будет в основном покрываться за счёт национальной страховки. Например, для тех, кто был за границей или встречался с другим инфицированным пациентом, тестирование на *COVID-19* бесплатное. Для остальных тест стоит примерно 160 тыс. южнокорейских вон (около 130 долларов), но расходы возместят, если тест окажется положительным.

В Соединённых Штатах распространено страхование работодателем, и потерявшие работу из-за эпидемии *COVID-19* также потеряли и страховку. Есть основания полагать, что безработные неохотно соглашались проходить тест на *COVID-19*, даже если они чувствуют симптомы, потому что боятся высокой стоимости лечения, и это может быть одной из причин массового распространения *COVID-19* в США.

Тем не менее некоторые, в том числе Корейская медицинская ассоциация (КМА), настойчиво утверждают, что политика корейского правительства, направленная на то, чтобы держать национальную границу открытой для въезжающих из Китая, была ошибкой, без которой можно было бы остановить раннее начало распространения *COVID-19* в Корее.

Россия избрала ту же стратегию, что и соседние с ней европейские страны: закрытие границ и самоизоляция. Она закрыла большую часть своих границ с Китаем (1 февраля) вскоре после вспышки

COVID-19 в Ухане³². Строгие предупредительные меры в России по предотвращению проникновения вируса из Китая, казалось, вначале были успешными. Но, хотя европейские страны, включая Италию и Испанию, объявили чрезвычайное положение в середине марта, Россия не закрыла границы с европейскими странами, что привело к распространению вируса в стране. Полностью международные воздушные перевозки были запрещены 27 марта, а сухопутная граница была закрыта 30 марта.

Кроме того, 25 марта 2020 г. президент Владимир Путин издал указ о введении режима самоизоляции и нерабочих дней с сохранением оплаты труда. После этого для предотвращения передвижения всех видов личного и общественного транспорта Москва ввела электронные пропуска, выдаваемые городскими властями с 15 апреля³³. Однако, несмотря на решительные превентивные меры правительства, число подтверждённых случаев быстро росло. При этом смертность в России сохранялась на уровне около 1%, что было даже ниже, чем в Корее (2,3%), одной из наиболее успешных стран в борьбе с *COVID-19*. Как и Корея, Россия избрала стратегию массового тестирования, которая была реализована благодаря бесплатной медицинской системе (сохранившейся с советских времен), разработанному в России набору для тестирования на *SARS-CoV-2* и неизбирательному бесконтактному самотестированию в домашних условиях³⁴. Кроме того, мэр Москвы с 26 марта рекомендовал строгую самоизоляцию и переезд на дачу пригородную зону для населения в возрасте старше 65 лет, а также пообещал единовременную выплату на повседневные нужды³⁵. Осторожная и строгая самоизоляция пожилого населения позволила снизить долю подтверждённых случаев в группе высокого риска примерно до 20%³⁶.

На фоне соседних европейских стран Россия кажется самодостаточной в области медицинских изделий и препаратов. Например, в

³² Ссылка: <http://news.kbs.co.kr/news/view.do?ncd=4412881>

³³ Ссылка: <https://www.themoscowtimes.com/2020/05/08/coronavirus-in-russia-the-latest-news-may-8-a69117>

³⁴ Ссылка: <https://www.hankookilbo.com/News/Read/202004062277059999>. Любой гражданин может подать заявление на самопроверку в домашних условиях. После обработки заявки специалист посещает заявителя и объясняет, как проводить самотестирование. В течение 2 дней после сбора результатов самопроверки будет отправлено уведомление по электронной почте. Это стоит 1250 рублей.

³⁵ Ссылка: <https://www.themoscowtimes.com/2020/03/23/moscow-elderly-told-to-stay-home-or-escape-to-countryside-a69717>

³⁶ Ссылка: <https://www.mos.ru/en/city/projects/COVID-19/>

случае масок, в мае в Москве была введена политика продажи средств защиты на станциях метро и граждане могли легко их получить. Запрет на экспорт медицинских изделий, вступивший в силу со 2 марта, был снят 3 мая, что указывает на отсутствие проблем с обеспечением медицинскими изделиями³⁷.

2020 г. был объявлен годом взаимного обмена между РК и Россией в ознаменование 30-летия установления дипломатических отношений, но сотрудничество в области медицины было недостаточно оперативным. В самом начале вспышки *COVID-19* Россия использовала набор для тестирования с низкой точностью, что было признано Департаментом здравоохранения Москвы³⁸. Если бы сразу использовался южнокорейский комплект для тестирования вирусов с точностью более 90%, это могло бы предотвратить быстрое распространение вируса.

Что дальше?

В мире после *COVID-19* страх перед другими пандемиями, вероятно, приведёт к снижению глобальной взаимозависимости и более активной региональной интеграции, укреплению экономической и политической солидарности с соседними странами. В бизнес-секторе ожидаются трансформация глобальных цепочек добавленной стоимости в сторону минимизации и ограничения физических перемещений в каждом региональном блоке. В мировом порядке, выстраиваемом вокруг США и Китая, произойдут значительные изменения, поскольку взаимосвязанность и взаимовлияние внутри каждого блока значительно возрастают, что верно и для каждой отдельно взятой страны. Упадок глобализации негативно повлияет на Корею, экономика которой сильно зависит от экспорта. Тем не менее пандемия способна предоставить возможность самостоятельно создать новую экономическую и политическую карту путём диверсификации внешних связей, ранее подчинённых Соединённым Штатам и Китаю.

В частности с 1990 г. Южная Корея последовательно проводит «северную политику», направленную на сотрудничество со страна-

³⁷ Ссылка: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/05/03/829546-pravitelstvo-snyalo-zapret-na-vivoz-iz-rossii-meditsinskih-masok?fbclid=IwAR1h3Plp8NRHWnj6aYcoPVU73RYOG9T_Ny7Lj3hQKGJ9did0ja_2QyuG4

³⁸ Ссылка: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/05/03/829546-pravitelstvo-snyalo-zapret-na-vivoz-iz-rossii-meditsinskih-masok?fbclid=IwAR1h3Plp8NRHWnj6aYcoPVU73RYOG9T_Ny7Lj3hQKGJ9did0ja_2QyuG4

ми бывшего Советского Союза, главным образом с Россией, однако ощутимых результатов пока нет. Конечно, Россия сталкивается с экономическими трудностями из-за западных санкций. Но страны – инициаторы санкций (к примеру, Германия) продолжают активно работать в России, так что незначительные объёмы экономического обмена между РК и РФ не могут быть оправданы международной ситуацией. Южная Корея давно осознала важность преодоления своей зависимости от отношений с США и Китаем, но не хватало политической воли, чтобы реализовать это на практике. Успешно справившись с *COVID-19*, Корея оказалась в более благоприятной международной ситуации, чем когда-либо прежде, что доказывает «социальную прозрачность» нации, технологическую развитость и зрелое гражданское сознание.

В результате Европа и другие развитые страны стали проявлять беспрецедентный интерес к Южной Корее. Сеул должен воспользоваться этой ситуацией для создания политической и экономической сети на евразийском континенте, чтобы играть ведущую роль в будущем. Построение единого экономического и политического блока от Азии до Европы, установление прочного сотрудничества с Россией, этим «мостом», соединяющим азиатский и европейский континенты, является насущным приоритетом для Республики Корея.

